

Дука, одинъ изъ историковъ конца Византіи.

(Опытъ характеристики.)

Въ теченіе своего многовѣковаго существованія столица византійской имперіи не разъ видѣла враговъ подъ своими крѣпкими стѣнами. Два раза она попадала къ нимъ въ руки. Въ первый разъ она была взята въ 1204 г. участниками четвертаго крестоваго похода и на 57 лѣтъ превратилась въ столицу эфемерной латинской имперіи. Правда, въ 1261 г. Византіи удалось еще разъ подняться, но не для новаго блеска, какъ характеризуетъ это событіе одинъ изъ нѣмецкихъ ученых¹⁾. Болѣе, безъ сомнѣнія, правъ покойный Альфредъ Рамбо, говорящій, что „обратное завоеваніе Константинополя греками было блестящимъ военнымъ успѣхомъ, но вмѣсто слабой латинской имперіи оно только возстановило почти такую же слабую греческую имперію“²⁾. Вторая катастрофа имѣла мѣсто въ 1453 г. Съ тѣхъ поръ Константинополь сталъ Истамбуломъ, резиденціей турецкихъ султановъ.

Бѣдствія и обстоятельства перваго завоеванія нашли своего краснорѣчиваго истолкователя и изобразителя въ лицѣ уроженца фригійскихъ Хонъ, Никиты Акомината. Описаніе второго мы находимъ у цѣлаго ряда лицъ³⁾ и, между прочимъ, у византійскаго писателя, не очевидца, правда, но во всякомъ случаѣ хорошо освѣдомленнаго современника печальнаго событія, Дуки⁴⁾. Сопоставляя эти два имени, мы далеки отъ мысли дать сравнитель-

1) Norden, Das Papstthum und Byzanz, стр. 387. Берлинъ, 1903.

2) Лависсъ и Рамбо, Всеобщая исторія, т. III, стр. 808. Москва, 1897.

3) См. П. Д. Погодинъ, Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ 1453 г. Журналъ М. Н. П. 1889, VIII, стр. 205—258.

4) Ducas, Michaelis Ducae nepotis historia Byzantina. Боннъ, 1834.

ную оцѣнку или характеристику, какъ самихъ авторовъ, такъ и ихъ трудовъ. Хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать, что между обоими писателями есть нѣчто общее. Это — горькое сознаніе тѣхъ внутреннихъ причинъ отрицательнаго свойства, которыя и въ первомъ и во второмъ случаѣ способствовали крушенію державы василевсовъ, и способность не закрывать глазъ на эти причины, сваливая все на внѣшніе факторы. Но, во всякомъ случаѣ, для сравненія съ работою Никиты Акомината, великаго логогета имперіи, т. е. человѣка занимавшаго одну изъ высшихъ должностей, бывшаго поэтому *au courant* всего, происходившаго вокругъ него, и описывавшаго событія въ качествѣ очевидца, болѣе подходила бы хроника Георгія Франдзи. Последній, какъ и Акоминатъ, занималъ высокое положеніе въ сановномъ мірѣ Византіи¹⁾ (былъ тоже великимъ логогетомъ и протовестіаріемъ) и принималъ личное участіе въ защитѣ столицы, какъ приближенный императора Константина XI Палеолога. Сопоставленіе это носить чисто внѣшній характеръ, и не на немъ собираемся мы сосредоточить центръ тяжести предлагаемаго очерка.

Эпоха Палеологовъ не принадлежитъ при всемъ своемъ трагизмѣ къ числу блестящихъ страницъ византійской исторіи. Поэтому отчасти ей сравнительно мало удѣляется вниманія и въ спеціальной литературѣ. Такъ же мало обращается вниманія и на разработку историческихъ источниковъ этой эпохи. Изъ послѣднихъ же наиболѣе обойденнымъ, пожалуй, можно считать историческій трудъ Дуки. Между тѣмъ этотъ писатель интересенъ не только по своему языку и стилю²⁾. Онъ интересенъ, какъ живой свидѣтель конца политическаго бытія на его глазахъ разлагавшагося родного ему государственнаго организма, онъ интересенъ, какъ представитель одного изъ волновавшихъ его современниковъ теченія общественной мысли, и при томъ, какъ представитель ярко выраженаго западнаго направленія. Познакомиться съ нимъ путемъ ближайшаго изученія его историческаго труда интересно, наконецъ, хотя бы по одному тому,

1) *Γεωργίου τοῦ Φραντζῆ χρονικόν*, стр. 231. 10. Боннъ, 1838.

2) Кромѣ нѣсколькихъ страницъ (3—14) въ старой работѣ Муллаха (*Collectaneorum byzantinorum libri duo*, Берлинъ, 1852), этому вопросу посвящена оказавшаяся, къ сожалѣнію, намъ недоступной небольшая монографія итальянскаго изслѣдователя Гальди (*Galdi, La lingua e lo stilo del Ducas*. Неаполь, 1911).

что въ научной литературѣ существуютъ на него, какъ на автора и какъ на человѣка, исключаютъ другъ друга взгляды.

Такъ покойный В. Г. Васильевскій въ своемъ „Обозрѣніи трудовъ по византійской исторіи“, признавая за Дукой образованіе и большой умъ, находитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ лучше, чѣмъ другіе его соотечественники, Халькокондилъ и Франдзи, могъ бы понимать причины паденія своего отечества и послѣдней катастрофы, если бы не былъ отчасти ослѣпленъ своими фамилными и личными сочувствіями и антипатіями, склонявшими его на сторону франковъ и уніи¹⁾. Другой русскій изслѣдователь, авторъ упомянутаго у насъ²⁾ „Обзора источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ 1453 г.“, П. Д. Погодинъ предостерегаетъ читателей отъ излишней довѣрчивости по отношенію къ нашему историку еще въ болѣе категорической формѣ. Хотя онъ и признаетъ, что „сочиненіе Дуки, написанное по свѣжимъ слѣдамъ самаго событія, является важнымъ историческимъ источникомъ“, но замѣчаетъ при этомъ, что „при пользованіи имъ не нужно упускать изъ виду точку зрѣнія, съ которой авторъ смотрѣлъ на лица и вещи“. „Въ частности“, добавляетъ онъ, „въ занимающемъ насъ вопросѣ Дука не можетъ быть авторитетнымъ свидѣтелемъ, какъ человѣкъ, ослѣпленный пристрастіемъ къ однимъ и ненавистью къ другимъ³⁾“. Обращаемся къ Крумбахеру и находимъ у него по данному вопросу нѣчто совершенно противоположное. По мнѣнію нѣмецкаго ученаго, любовь Дуки къ истинѣ не подлежитъ сомнѣнію, и по точности своей онъ — выше Халькокондила (*seine Wahrheitsliebe ist zweifellos und an Genauigkeit steht er hoch über Chalkondyles*)⁴⁾. Такова же разница во взглядахъ и на религиозное міросозерцаніе Дуки. В. Г. Васильевскій видитъ въ немъ, какъ мы уже знаемъ, сторонника уніи. Еще болѣе увѣренъ въ этомъ и старается увѣрить читателя г. Погодинъ⁵⁾. Рамбо наоборотъ говоритъ о страстной при-

1) Журналъ М. Н. П. 1887, VII, стр. 141. То же говорится и на стр. 81 вышедшаго въ 1890 г. перваго выпуска этого, къ глубокому сожалѣнію, не законченнаго „Обозрѣнія“.

2) См. стр. 171, прим. 3.

3) П. Д. Погодинъ, стр. 220.

4) *Krumphacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur*², стр. 306. Мюнхень, 1897.

5) П. Д. Погодинъ, стр. 219.

визанности Дуки къ православію¹⁾. Крумбахеръ, наконецъ, рисуетъ намъ его то страстнымъ сторонникомъ униі²⁾, то строго православнымъ³⁾. Намъ кажется поэтому небезынтереснымъ выяснить обликъ этого человѣка, его взгляды и чаянія, симпатіи и антипатіи, что въ сопоставленіи съ окружавшей его дѣйствительностью дастъ намъ возможность, перейдя отъ автора, заключить приблизительно и о цѣнности его труда.

Дукѣ пришлось жить и дѣйствовать въ печальную эпоху, ему на долю выпало описывать такое тяжелое для его отечества время, какъ годы отъ 1341 до 1462. Византійская исторія, собственно говоря, отошла уже въ область прошлаго задолго до рокового 29 мая 1453 г. Уже въ XIV в. Византія занимала скромное мѣстечко среди другихъ политическихъ силъ, захватившихъ въ разное время нѣкогда принадлежавшую ей одной обширную территорію и вмѣстѣ съ нею, не безъ борьбы, правда, ожидавшихъ того момента, когда все и вся будетъ, наконецъ, затоплено турецкой стихіей. Политическое и даже культурное значеніе эллинскаго элемента сводится почти къ нулю на его же старой родинѣ. Раздробленный политически и разъединенный географически, ослабленный въ экономическомъ отношеніи, опустившійся морально, онъ начинаетъ представлять изъ себя только одну изъ вкрапинъ на турецкомъ фонѣ, какъ и всѣ тѣ сербы, болгары, валахи, генуэзцы, венеціанцы, албанцы, родосскіе рыцари, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ повѣствованіи нашъ историкъ. Уже въ 1360 г., когда султанъ Мурадъ I превратилъ Адрианополь въ свою европейскую столицу, почти всѣ владѣнія Византіи находились, говоря словами Дуки, „подъ его рукою“⁴⁾, и ничто, пожалуй, такъ ярко не характеризуетъ положенія остатковъ византійской имперіи и взаимоотношенія между повелителемъ турокъ и императоромъ ромеевъ, какъ тотъ окрикъ, который сынъ Мурада I, Баязеть I, позволилъ себѣ по адресу Мануила II Палеолога. Именно, вскорѣ послѣ вступленія послѣдняго на престолъ (1391 г.) султанъ потребовалъ отъ него учредить въ Константинополѣ для му-

1) Лависсъ и Рамбо, т. III, стр. 836 и 838.

2) Кrumbacher, стр. 305 и 306.

3) Ibid., стр. 306. Впрочемъ, это противорѣчіе представляется намъ только кажущимся и, какъ увидимъ ниже, легко объяснимымъ.

4) Дука, стр. 15, 4.

сульманъ спеціальный мусульманскій же судъ¹⁾. Требованіе заканчивается грознымъ „memento mori“: „А не хочешь повиноваться моимъ приказаніямъ, такъ запи ворота своей столицы и царствуй въ ней: все, что внѣ ея, — мое“!²⁾).

Можно сказать, что историческій трудъ Дуки даже по своему внѣшнему виду, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, не говоря уже объ особенностяхъ его языка и о содержаніи, является не только отраженіемъ той эпохи, которая его породила, но до известной степени какъ бы символизируетъ ее. Онъ сохранился въ одномъ только экземплярѣ, безъ заглавія, оборваннымъ на полуфразѣ³⁾. Мы не знаемъ даже имени Дуки⁴⁾. Оборвано имя у автора такъ же, какъ оборванъ конецъ его труда⁵⁾, излагавшаго событія эпохи, когда оборвалась, наконецъ, самостоятельная жизнь Византіи.

Разрывомъ съ прошлымъ вѣдетъ и отъ языка Дуки. Правда, мы не назвали бы его вмѣстѣ съ первымъ издателемъ нашего историка, Буллио, или съ редакторомъ боннскаго изданія, Беккеромъ, варварскимъ и не стали бы во всякомъ случаѣ жалѣть о томъ, что Дука, вопреки обычной манерѣ большинства византійскихъ историковъ времени Палеологовъ, не пишетъ тѣмъ искусственнымъ языкомъ, которому приходилось учиться, какъ чужому, уже въ эпоху Комниновъ⁶⁾. Вмѣсто того, чтобы рабски подражать языку античныхъ писателей, онъ пользуется языкомъ близкимъ къ современной ему живой рѣчи, доставляя такимъ образомъ въ высшей степени интересный филологическій матеріалъ для исторіи ново-греческаго языка. Разрывъ этотъ, съ нашей точки зрѣнія, имѣетъ другое значеніе. Онъ

1) *βούλεται τοῦ εἶναι καὶ διαμένειν ἐντὸς τῆς πόλεως ἕνα τῶν αὐτοῦ κρατῶν καὶ νομιμασίων, ὃν αὐτοὶ καλοῦσι καθ' ἑν.* Ibid., стр. 49.10—12. Весь этотъ эпизодъ изложенъ на стр. 49.9—17.

2) *εἰ οὐ βούλει ποιῆσαι καὶ δοῦναι ὅσα σοι προστάτω, κλείσον τὰς θύρας τῆς πόλεως, καὶ βασιλευε ἐν μέσῳ αὐτῆς· τὰ δὲ ἐκτὸς αὐτῆς ἐμὴ πάντα εἰσίν.* — Ibid., стр. 49.17—20.

3) *ὁρῶντες οὖν οἱ ἐντὸς . . .* Ibid., стр. 346.19.

4) Въ историческомъ трудѣ, принадлежащемъ Дукѣ, упоминается только его фамилія, что не помѣшало, однако, Рамбо надѣлать его именемъ, и при томъ очень щедро: одинъ разъ онъ называетъ его Михаиломъ (Лависсъ и Рамбо, т. III, стр. 836), а въ другомъ мѣстѣ Иоанномъ (ibid., стр. 886).

5) Трудъ Дуки обрывается на рассказѣ о приготовленіяхъ турокъ къ осадѣ Митилины въ 1462 г.

6) Krumbacher, стр. 277.

какъ бы обозначаль, что греческая нація вступила въ обстановку настолько новую въ сравненіи съ ея прошлымъ, что должна была отбросить, на ряду со многимъ другимъ, и старыя литературныя приемы. Имъ не было мѣста тамъ, гдѣ приходилось отстаивать самое возмозность національнаго существованія. Для послѣдней цѣли два языка являлись бы безцѣльной роскошью. Достаточно было одного, зато доступнаго всѣмъ. Мы должны, впрочемъ, оговориться, что разрывъ съ античною традиціей не былъ у Дуки полнымъ и окончательнымъ, если имѣтъ въ виду не одинъ только языкъ его произведенія. Но, какъ сейчасъ увидимъ, и въ оставшееся старое вошло столько новаго, что и здѣсь ясно видно отраженіе перелома.

Дука, какъ мы можемъ замѣтить изъ ряда мѣстъ его труда, не былъ чуждъ знакомству съ античнымъ міромъ и съ его литературными манерами. Игнорируя языкъ античныхъ литературныхъ произведеній, онъ все таки не прочь, по примѣру другихъ своихъ византійскихъ собратьевъ по перу, показать свою близость къ нимъ, пользуясь ихъ образами, сравненіями, терминами и приемами. Такъ, напр., одного изъ второстепенныхъ турецкихъ владѣтелей онъ сравниваетъ съ Вакхомъ ¹⁾. Предводителя венгерскихъ войскъ онъ называетъ „вторымъ Ахиллесомъ или Гекторомъ“ ²⁾. Упомянувъ о половой распущенности турокъ, которую нашъ авторъ склоненъ считать одной изъ отрицательныхъ национальныхъ чертъ этого народа, онъ говоритъ, что, въ глазахъ турокъ, каждая гречанка или итальянка представляется Афродитой или Семелою ³⁾, по сравненію съ ихъ компатріотками, внушающими одно омерзение ⁴⁾. Вельможи, извѣстившіе Магомета II о смерти его отца, въ такихъ выраженіяхъ совѣтуютъ ему поскорѣ отправиться изъ Магнисіи въ Адрианополь: „ἐπιβῆναι Πηγάσῳ ἢ πρὸ πτεροέντι“ ⁵⁾. Свита султана при этомъ сравнивается съ гигантами, у которыхъ обѣ руки такъ же крѣпки и ловки, какъ и правая ⁶⁾. Въ рѣчи турка Гамзы есть упоминаніе объ обстоя-

1) Ὅσπερ τις ἄλλος Ἀναῖος. Дука, стр. 29.16.

2) Ibid., стр. 207.7—8.

3) Ibid., стр. 34.8.

4) τὴν ὁμογενῆ δὲ καὶ ἀπόγλωττον ὡς ἄρκτον ἢ ὑαίαν βδελύττονται. Ibid., стр. 34.9.

5) Ibid., стр. 225.14.

6) ἀμφοτεροδεξίους εἰπεῖν γίγαντας. Ibid., стр. 225.20—21.

тельстввахъ, приводящихъ къ гибели „души героевъ“¹⁾. Умнаго визиря Магомета I, Баязета-пашу, Дука называетъ Прометеемъ²⁾. Стрѣлковъ Магомета II, этихъ новыхъ Гераклидовъ, онъ ставитъ по мѣткости выше Аполлона³⁾. Самого султана-завоевателя, приказавшаго перетащить въ Золотой Рогъ свои суда по сушѣ, онъ считаетъ выше Ксеркса, устроившаго мостъ черезъ Геллеспонтъ⁴⁾, и сравниваетъ его съ Александромъ Македонскимъ⁵⁾, а храбрый защитникъ Константинополя Джустиніани напоминаетъ ему гиганта⁶⁾ и Ахиллеса⁷⁾. Описывая переворотъ 1376 г., произведенный сыномъ императора Іоанна V Палеолога, Андроникомъ, вырвавшимъ такимъ образомъ власть изъ рукъ отца и заключившимъ послѣдняго вмѣстѣ со своими двумя братьями въ темницу, Дука вспоминаетъ Зевса, такъ же низвергшаго въ Тартаръ Кроноса, Плутона и Посейдона⁸⁾. Затѣмъ, среди странъ, завоеванныхъ турками, у Дуки упоминаются земли трибалловъ и мисійцевъ⁹⁾. Тамерланъ называется у него скиѳомъ, его монголы — то скиѳами¹⁰⁾, то персами¹¹⁾, венгры — гуннами¹²⁾, турецкіе вельможи — сатрапами. Отдаетъ, наконецъ, дань Дука античной литературной традиціи и еще въ одномъ отношеніи. Онъ очень любитъ вкладывать въ уста своихъ героевъ рѣчи, приводитъ иногда цѣлые діалоги¹³⁾. Этотъ риторическій приѣмъ старой школы — одно, что отчасти нарушаетъ его въ общемъ простое изложеніе, которое не перестаетъ быть отчетливымъ и яснымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ увлекается самъ и старается, видимо, увлечь своимъ краснорѣчіемъ читателя. У Дуки произносятся рѣчи, иногда очень длинныя, всегда тщательно обдуманныя и от-

1) *διὰ γούν ταύτας τὰς ἐπιβαινούσας αἰτίας, αἱ εἰς ὄλεθρον ἄγοναι τὰς τῶν ἡρώων ψυχάς* и т. д. *ibid.*, стр. 171.18—19.

2) *Ibid.*, стр. 126.16.

3) *Ibid.*, стр. 298.11.

4) *Ibid.*, стр. 271.13.

5) *Ibid.*, стр. 271.15.

6) *Ibid.*, стр. 284.14.

7) *Ibid.*, стр. 284.17.

8) *Ibid.*, стр. 45.10—14.

9) *Ibid.*, стр. 25.10.

10) *Ibid.*, стр. 65.15.

11) *Ibid.*, стр., 70.2.

12) *Ibid.*, стр. 136.17.

13) *Ibid.*, стр. 104.20—105.17; 107; 108 и т. д.

дѣланныя, и Тамерланъ¹⁾, и турецкіе султаны²⁾ и ихъ приближенные³⁾ и противники⁴⁾, въ общемъ люди, въ знакомствѣ которыхъ съ правилами античнаго краснорѣчія мы должны болѣе, чѣмъ сомнѣваться. Одинъ изъ защитниковъ столицы, Лука Нотара (Лука называетъ его просто „μεγαδοῦκας“), осужденный Магометомъ II на казнь, раздражается рѣчью — поученіемъ сыну непосредственно передъ приведеніемъ приговора въ исполненіе⁵⁾.

И вотъ на ряду съ этими пережитками прекраснаго прошлаго произведеніе Дуки пестритъ ингредіентами, говорящими о печальномъ настоящемъ, напоминающими о томъ, сколько въ эллинскую среду проникло чуждыхъ ей элементовъ, властно заявляющихъ право на вольное или невольное признаніе⁶⁾. Нечего уже говорить о рядѣ такихъ собственныхъ именъ, какъ: *Τεμὺρ χάν, Ὁρχάν, Παγιαζήτ, Σιαχρούχ, Χαλλίλ Ζαλιτζία, Χοτζιαφερούζ, Μαχουμέτ, Τζινεήτ, Μόλτζου, Ντάνος, Δραγούλιος, Φραντζήσκος, Παλαβιτζίνος, Μπεργονίας, Χαλέπ* и другихъ, для которыхъ у грека не хватало ни буквъ, ни звуковъ. То же наблюдается и съ именами нарицательными, среди которыхъ встрѣчаются иностранцы самаго различнаго происхожденія, какъ, на примѣръ — *κραλεύω* (15.18), *τοῦ κράλη* (15.16), *βεηβόδα* (88.6) или его варианты *βειβόδαν* (189.20) и *βαιβόδα* (201.12), *μπαροννίδας* (52.22), *λεγεῶνας* (65.14), *τοῦ κάμπου* (62.11), *τοῦ φοσσάτου* (306.9), *τέντας* (69.18), *τῆς ῥηγένης* (217.6), *ἐν λάκκῳ* (33.21), *πραιδαν* (292.2), *πρίγκιπος* (97.23), *ἀμυραλίν* (109.11), *ὁ καδδηνάλιος* (253.4), *μαρκεσίου* (100.2), *κόντε* (100.3), *τῶν σιάκων* (68.24), *σιάκω ζόγκω* (69.5), *καδίν* (49.11), *τζιαβουσίδας* (65.19), *γενητσαρίδας* (67.12), *βεξύρην καὶ πάσσαν* (125.15), *πασχεσέν* (242.1) и т. д. Есть нѣчто показательное, а иногда, какъ здѣсь, и роковое въ

1) Ibid., стр. 64.16—65.11; 74.13.

2) Ibid., стр. 91.9—92.8 (рѣчь Мусы, заключающая въ себѣ цѣлую империалистическую программу); 95.11; 97.15—21; 239.16—240.23.

3) Ibid., стр. 129.9—131.7; 145.10—148.20 (рѣчь визиря Магомета I, Баязета-паша, обращенная къ войскамъ передъ рѣшительной битвой съ претендентомъ на престолъ Мустафю и представляющая изъ себя подробную диспозицію); 170.8—172.6; 235.18—236.17.

4) Ibid., стр. 140.24—141.19; 149.10—150.6; 152.13—153.11; 166.11—167.8.

5) Ibid., стр. 304.15—305.12; о немъ же см. 169.18.

6) Дука при этомъ уже и не извиняется передъ читателемъ въ употребленіи варварскихъ именъ и словъ, какъ это дѣлала когда-то Анна Комнина. Обойтись безъ именъ собственныхъ и новыхъ техническихъ терминовъ, конечно, было или невозможно или во всякомъ случаѣ очень трудно, но у Дуки встрѣчаются и такія иностранныя слова, которыя смѣло можно было бы замѣнить греческими.

появленіи и проникновеніи въ языкъ чуждыхъ ему до сихъ поръ словъ и терминовъ. Если обиліе иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ XVIII в. говорило о томъ сдвигѣ съ мертвой точки, который имѣлъ мѣсто при Петрѣ Великомъ, то въ данномъ случаѣ это говоритъ о фактѣ нѣсколько иного порядка. Оно является однимъ изъ признаковъ того, что чужіе элементы глубоко проникли въ организмъ Византии, а одинъ изъ нихъ, на правахъ полного хозяина, расположится въ ней совсѣмъ по семейному (*ἀνδρογυναικόπαιδα Τοῦρκων* ¹).

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ Дуки, какъ автора историческаго труда, и къ выясненію его отношенія къ отдѣльнымъ фактамъ и лицамъ, намъ хотѣлось бы, по связи съ выше изложеннымъ, еще нѣсколько остановиться на его писательскихъ приемахъ и способѣ изложенія трактуемаго предмета. Ограничиться тѣмъ, что было только что сказано, т. е. указать на вліяніе на нашего автора античной традиціи и на ту роль, которую играютъ въ языкѣ его исторіи инородные элементы, значило бы сознательно не дать полного представленія о факторахъ, вліявшихъ на выработку его міросозерцанія. На послѣднемъ замѣтно отразилась и струя церковности. Не говоря же о томъ, что въ данномъ случаѣ Дука платитъ дань общимъ культурнымъ условіямъ своего времени, онъ лично человѣкъ глубоко религіозный и при томъ, повидимому, съ достаточной богословской подготовкой. Отдавая дань обычной манерѣ византійскихъ историковъ и въ особенности хронистовъ, онъ предпосылаетъ своему повѣствованію краткое введеніе въ видѣ обзора библейской исторіи ²). Личная религіозность Дуки выражается какъ въ томъ благо-

1) Дука, стр. 318.7.

2) Ibid., стр. 10—11. Затѣмъ, минуя событія греческой и римской исторіи онъ суммарно и болѣе чѣмъ сжато и неполно касается фактовъ византійской исторіи до 1341 г. (стр. 12—14), расширяя все болѣе и болѣе свой рассказъ отъ этой даты (стр. 14—318) и снова переходя на отрывочное и сухое изложеніе фактовъ отъ 1453 до 1462 г. (стр. 318—346). При этомъ Дука соблюдаетъ послѣдовательность въ изложеніи событій, и вставные эпизоды (см. стр. 274.1—275.10) — рѣдки. Исключеніемъ являются также извѣстія такого рода, какъ рассказъ объ участіи и гибели въ битвѣ подъ Варной въ 1444 г. „саксонскаго короля“ (стр. 218.18—221.19). Положеніе дѣлъ въ Венгріи, королею которой въ то время былъ Владиславъ III Варненчикъ, нашъ авторъ рисуетъ при этомъ такъ: *ἦν γὰρ πρωτοστράτωρ ὁ Ἰάκωβος, ὁ δὲ τοποτηρητὴς τοῦ κράλη Οὐγγρίας ἦν ὁ ῥήξ τῶν Σάξων* (стр. 218.17—18).

говѣнн, съ которымъ онъ относится къ объектамъ христіанскаго культа¹⁾, такъ и въ мотивахъ приводимыхъ имъ для объясненія всѣхъ бѣдъ и несчастій, выпавшихъ на долю его родины, которой, дѣйствительно, пришлось „испить полную чашу гнѣва Божія²⁾. Основная посылка, которую дѣлаетъ въ данномъ случаѣ нашъ историкъ, это — „наша“ (онъ не отдѣляетъ себя отъ своихъ соотечественниковъ) грѣховность³⁾ и преступность и, какъ непосредственный результатъ ихъ, тяжкая кара въ видѣ постепеннаго подчиненія страны невѣрнымъ. Мотивъ общій всѣмъ средневѣковымъ писателямъ, и не сомнѣніемъ и злорадствомъ⁴⁾ вѣтъ отъ этихъ словъ и выраженій⁵⁾ Дуки, а тѣмъ же смиреніемъ и преклоненіемъ передъ волей Божіей, съ которыми мы встрѣчаемся и у русскаго лѣтописца, такими же причинами объяснявшаго разореніе и покореніе Руси „погаными“ разныхъ видовъ и наименованій. А если и тотъ и другой не могутъ скрыть своей горечи по адресу тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, былъ особенно виноватъ во всемъ случившемся, то это вполне понятно, и иначе, пожалуй, не могло и быть. Матеріала же для накопленія такой горечи было болѣе, чѣмъ достаточно по отношенію къ народу, полагавшему, что „догматы и обрядъ составляютъ всю сущность христіанства“, и постоянно забывавшему основную заповѣдь о христіанскомъ братствѣ и любви⁶⁾. Авторъ нашъ упоминаетъ съ своей стороны о нѣсколькихъ грѣхахъ иного порядка, которые, дѣйствительно, оправдать трудно. Это тѣ придворныя интриги, внутреннія смуты и государственные перевороты, которые имѣли мѣсто въ описываемое время въ Византіи, и безъ того уже влачившей жалкое существованіе. Едва ли нужно было быть затронутымъ всѣмъ этимъ лично⁷⁾, чтобы относиться отрицательно къ раздиравшимъ Византію усобицамъ⁸⁾, къ той легкости, съ которою компатріоты Дуки измѣняли присягѣ⁹⁾, къ такимъ, наконецъ,

1) Ibid., стр. 288.5—7.

2) *ἀπαξ ἐπροορίσθη τοῦ πικρῶν τὸ ποτήριον τὸ πλήρες τῆς ὀργῆς κυρίου.* Ibid., стр. 296.11—12.

3) *διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν.* Ibid., стр. 200.17; 227.9; 232.3; 299.11 и т. д.

4) П. Д. Погодинъ, стр. 218—219.

5) Дука, стр. 135.17—20; 136.8—15; 222.1—3.

6) В. Г. Васильевскій, Труды, т. I, стр. 77—78. Петербургъ, 1908.

7) П. Д. Погодинъ, стр. 219.

8) *διχοστασίαν τῶν Ῥωμαίων.* Дука, стр. 27.10.

9) Ibid., стр. 25.11—23.

фактамъ, какъ событія, подготовившія и отчасти оправдывавшія узурпацію Іоанна Канакузина ¹⁾, какъ та преступная борьба между отцомъ и сыномъ, Іоанномъ V и Андроникомъ, которая вызвала рѣзкое осужденіе со стороны нашего историка, упрекавшего по этому поводу византійцевъ въ безчеловѣчности и богоненавистничествѣ ²⁾. Начитанность Дуки въ священномъ писаніи одинаково видна и изъ такихъ приемовъ, какъ сравненіе Византіи передъ гибелью съ носящимся по бушующимъ волнамъ ковчегомъ Ноя ³⁾, Адрианополя съ Вавилономъ ⁴⁾, турецкихъ султановъ съ фараономъ ⁵⁾ или Навуходоносоромъ ⁶⁾, употребленіе выраженной церковнаго характера ⁷⁾ и, наконецъ, цитаты изъ евангелія ⁸⁾, псалмовъ ⁹⁾ и особенно изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ Исаяи ¹⁰⁾, Амоса ¹¹⁾ и Іереміа ¹²⁾. Очевидно, грозныя обличенія и мрачныя предсказанія послѣднихъ болѣе подходили къ удрученному настроенію Дуки. Плачь его о взятіи Константинополя ¹³⁾ не менѣе трогателенъ, чѣмъ та скорбная пѣснь, въ которой Іеремія вылилъ свое горе о паденіи Іерусалима.

Отдаетъ дань Дука общимъ культурнымъ условіямъ своего времени и въ другомъ отношеніи: онъ вѣритъ въ разнаго рода чудесныя предзнаменованія и пророчества. Онъ, между прочимъ, передаетъ намъ о кометѣ странной формы, предвозвѣстившей пораженіе Баязета I при Ангорѣ (*προάγγελος κηκῶν*) ¹⁴⁾, говоритъ о чудесномъ свѣѣ, который видѣлъ передъ своею кончиной Мурадъ II ¹⁵⁾. Что касается пророчествъ, относящихся къ судьбѣ

1) Ibid., стр. 19.18—26.22.

2) *τοῦτο τῆς Ῥωμαίων ἀπανθρωπίας καὶ τῆς πρὸς θεὸν ἔχθρας*. Ibid. стр. 45.6—7.

3) Ibid., стр. 262.11.

4) Ibid., стр. 306.8.

5) Ibid., стр. 64.6.

6) Ibid., стр. 252.12.

7) *ἐκ τῶν σῶν τὰ σα προσέφερον*, говоритъ визирь Халиль султану Магомету II (стр. 250.20)!

8) Ibid., стр. 126.14.

9) Ibid., стр. 66.20.

10) Ibid., стр. 263.18—264.5.

11) Ibid., стр. 292.17—293.18.

12) Ibid., стр. 272.13—273.1; 284.21—285.7; 307.14—311.2.

13) Ibid., стр. 291.9—293.18; 299.4—15; 306.12—311.23.

14) Ibid., стр. 63.11—64.4.

15) Ibid., стр. 229.12—230.6.

Константинополя¹⁾, то намъ кажется болѣе удобнымъ сказать о нихъ въ другомъ мѣстѣ и въ другой связи.

Будучи такимъ образомъ человѣкомъ, въ достаточной мѣрѣ отразившимъ на себѣ и на своемъ трудѣ общія культурныя условія эпохи, Дука вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ недюжиннымъ талантомъ писателя. Мы уже указывали на положительныя стороны его изложенія, простоту и ясность. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще живость и образность, умѣнье представить предметъ описанія въ выпуклыхъ чертахъ, не избѣгая при этомъ касаться деталей (въ этомъ отношеніи очень интересно у него описаніе огнестрѣльнаго оружія²⁾), способность передать читателю то настроеніе, которымъ зараженъ въ данномъ случаѣ самъ авторъ. Послѣднее особенно слѣдуетъ сказать о тѣхъ случаяхъ, когда Дука описываетъ что-либо трагическое.

Нашъ историкъ очень любитъ образныя выраженія, сравненія и противоположенія, иногда очень поэтическія, иногда остроумныя, всегда очень умѣстныя. Филадельфію, покоренную Баязетомъ I въ 1390 г., онъ сравниваетъ со звѣздой, блиставшею со средины покрытаго тучами неба³⁾. Особенно часто въ его сравненіяхъ фигурируетъ орелъ. Съ нимъ сравниваются гонецъ⁴⁾ и матросы⁵⁾, владѣтельный князь Смирны, сельджукъ Джунеидъ (*Τζωνήτ*), налетаетъ на своихъ враговъ, какъ орелъ на воробьевъ⁶⁾, турки идутъ на штурмъ Константинополя, „какъ орлы летучіе“⁷⁾. Сынъ Джунеида, наткнувшись неожиданно для себя на враговъ, бѣжитъ отъ нихъ, какъ заяцъ отъ борзыхъ собакъ⁸⁾. Послы Константина XI идутъ поздравлять съ восшествіемъ на престолъ Магомета II, какъ агнцы волка, какъ воробьи змѣю, какъ люди, находящіеся въ агоніи (*οἱ ψυχορραγούντες*), смерть⁹⁾. Жадный на деньги и падкій на женщинъ султанъ Урханъ напоминаетъ

1) *Ibid.*, стр. 289.14—290.10 и 318.8—319.15.

2) *Ibid.*, стр. 211.

3) *ἡ δὲ πόλις αὐτὴ δίκην ἀστέρου ἐν συννεφώδει μεσουρανήματι φαίνουσα ἦν.* *Ibid.*, стр. 19.6—7.

4) *Ibid.*, стр. 225.8.

5) *Ibid.*, стр. 269.9.

6) *Ibid.*, стр. 175.23.

7) *ὡς ἀετοὶ πετώμενοι.* *Ibid.*, стр. 286.4.

8) *ἐλαύνων ἔφευγε μὲν ὡς λαγῶς, ἐδιώχτο δὲ παρὰ τῶν ταχυδρόμων ὡς εἴποι τις ἀεροβατῶν κυνῶν.* *Ibid.*, стр. 191.19—20.

9) *Ibid.*, стр. 232.5—6.

Дукъ быка, который никакъ не можетъ насытить свою жажду во время палящаго лѣтняго зноя (*ἐν καύσωνι θέρος* ¹⁾). Султанъ Баязеть I, требуя отъ Мануила I выдачи бѣжавшаго въ византійскія владѣнія Джунеида, картинно сравниваетъ послѣдняго съ волкомъ, вырвавшимся изъ облавы ²⁾. Метательные снаряды осадныхъ орудій сравниваются Дукой съ молніями ³⁾. Даже для перехода отъ одного пункта своего повѣствованія къ другому онъ употребляетъ такое выраженіе: *ἀλλ' ἐπανίσταμεν πρὸς τὰ τῆς διηγήσεως χόματα* ⁴⁾. Живость рѣчи усиливается у Дуки умѣньемъ подобрать, путемъ игры словъ или сопоставленія противоположныхъ понятій, краткія, но мѣткія опредѣленія характерныхъ чертъ того или иного лица. Такъ, напр., говоря объ одномъ типичномъ авантюристѣ Θεολογѣ Кораксѣ, онъ предлагаетъ именовать его не богословомъ (*Θεολόγος*), а сквернословомъ (*θολλόγος*) ⁵⁾. Другое лицо, по фамиліи Ангель, а по прозвищу дьяволъ, даетъ ему поводъ къ остроумной игрѣ словъ ⁶⁾. Этого же нашъ авторъ достигаетъ, и приводя кстати народныя поговорки и пословицы или привлекая соотвѣтствующій литературный матеріалъ. Говоря, напр., о второй женѣ старшаго сына Мануила II, Іоанна, онъ, поясняя, почему этотъ бракъ оказался несчастливымъ ⁷⁾, опредѣляетъ наружность принцессы пословицей — „спереди великій постъ, а сзади пасха“ ⁸⁾. Брошенный своими приверженцами на произволь судьбы соперникъ Мурада II, Мустафа, сравнивается у Дуки съ оципанной галкой изъ басни ⁹⁾.

Уже у Крумбахера ¹⁰⁾ приведено, какъ образчикъ простого, а вмѣстѣ съ тѣмъ живого и полного драматизма описанія, то мѣсто изъ Дуки, гдѣ нашъ авторъ рисуетъ, въ какую совершенно мертвую пустыню, въ которой не услышишь „ни лая собаки, ни

1) Ibid., стр. 33.20—22.

2) Ibid., стр. 147.16—24.

3) Ibid., стр. 269.10.

4) Ibid., стр. 262.9.

5) Ibid., стр. 123.15.

6) *ὄνομα μὲν αὐτῷ Ἄγγελος, τῇ δὲ ἐπωνυμίᾳ διάβολος, καὶ μίγδην φέροντες σὺν τῇ ἐπωνυμίᾳ τὸ ὄνομα ἐκαλεῖτο διαβολάγγελος.* Ibid., стр. 45.15—17.

7) *τοιαύτην οὖν ἰδὼν ὁ βασιλεὺς Ἰωάννης οὐκ ἐμίγη ταύτην· οὐδὲ τὸ παράπαν σύγχοιτος ταύτης ἐγένετο.* Ibid., стр. 100.18—19.

8) *ὡς ἔπος χυδαῖον εἰπεῖν „ἀφ' ἐμπρὸς τεσσαρακοστή, καὶ ὀπισθεν πάσχα“.* Ibid., стр. 100.17.

9) *κατεπιλωμένος κολοῖς τὸ ἀληθές τῆς παροιμίας.* Ibid., стр. 177.14.

10) Krumbacher, стр. 306.

крика домашней птицы, ни плача ребенка¹⁾, превращались тѣ мѣстности, гдѣ пронеслись монголы. Битва при Ангорѣ нашла въ лицѣ нашего автора не менѣе краснорѣчиваго изобразителя²⁾. Какъ мы уже сказали, Дука особенно удаются передача трагическаго, описанія событій, которыя должны вызвать у читателя чувства состраданія и жалости. Трогательно, напр., передана у него предсмертная мольба о крещеніи одного изъ сыновей Баязета I, обращенная къ сыну Мануила II, Іоанну, съ которымъ онъ, живя въ Константинополѣ въ качествѣ заложника и получая одинаковое воспитаніе и образованіе, тѣсно сошелся³⁾. Полно трагизма описаніе взятія и разрушенія полчищами Тамерлана городка родосскихъ рыцарей (*τῶν ροδείων*) близъ Смирны⁴⁾. Таково же описаніе взятія войсками султана Мурада II Салоникъ въ 1430 г. Дука справедливо видитъ въ этомъ событіи печальное предзнаменованіе для Константинополя⁵⁾ и горько оплакиваетъ несчастную судьбу попавшихъ въ плѣнъ къ туркамъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей, оскверненіе и разграбленіе храмовъ Божіихъ⁶⁾. Мастерски передаетъ онъ то потрясающее впечатлѣніе, которое въ 1451 г. произвелъ на современниковъ приказъ Магомета II построить замокъ на европейскомъ берегу Босфора (теперь Румели-Гиссаръ). Всѣ поняли, что это означаетъ конецъ Византіи, и что спасенія больше нѣтъ⁷⁾. Такъ Дука рисуетъ картину Константинополя, когда городъ былъ взятъ турками, и населеніе его переведено въ лагерь (*ἐν ταῖς σκηναῖς τοῦ φοσάτου*) побѣдителей: „лежитъ городъ опустѣлый, мертвый, беззащитный, безгласный, не имѣющій ни вида, ни красоты“⁸⁾.

Описывая такъ удачно отдѣльные эпизоды и событія, Дука умѣетъ художественно нарисовать и портретъ отдѣльнаго лица. Таково у него описаніе наружности несчастной жены Іоанна VIII, о которой мы уже упоминали. „Императоръ Іоаннъ“, говоритъ нашъ авторъ, „не любилъ своей супруги. Правда, она была хо-

1) Дука, стр. 77.2—3.

2) Ibid., стр. 61.20—71.21.

3) Ibid., стр. 98.14—99.20.

4) Ibid., стр. 72.20—75.15.

5) *ἀπαρχὴ κακῆ καὶ ἀπαίσιος τῶν μελλόντων κακῶν ἐν τῇ βασιλευούσῃ*. Ibid., стр. 200.12—13.

6) Ibid., стр. 200.8—201.8.

7) Ibid., стр. 238.1—14 и 241.4—10.

8) Ibid., стр. 306.9—11.

рошаго, и даже очень, тѣлосложенія. Прекрасная шея, слегка золотистые волосы. У нея были кудри, золотою волною спускавшіеся на затылокъ, ровныя плечи, симметрично сложенные отъ плеча и до кисти руки и такая же грудь, прекрасной формы (*κρυσταλλοειδής*) пальцы, высокая и очень статная фигура. Глаза же, губы, форма носа, общій складъ глазъ и бровей — верхъ безобразія¹⁾.

Таковы внѣшнія особенности историческаго труда Дуки, таковы его литературные приемы и достоинства. Прежде чѣмъ перейти къ выясненію внутреннихъ достоинствъ Дуки, какъ автора, и къ ознакомленію съ его отношеніемъ къ описываемымъ лицамъ и событіямъ, скажемъ то небольшое, что можно сказать о немъ самомъ. Нашъ авторъ рѣдко и при томъ, какъ-то вскользь, говоритъ о самомъ себѣ. Онъ предпочитаетъ говорить о другомъ и о другихъ, отходя съ своею личностью въ сторону. Въ виду этого у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало матеріала, чтобы дать, хоть сколько-нибудь, полный біографическій очеркъ; мы можемъ ограничиться только отдѣльными частностями²⁾.

Среди сторонниковъ Іоанна Кантакузина, которые должны были спастись бѣгствомъ изъ Константинополя послѣ расправы, произведенной надъ ними въ 1341 г. партіей легитимистовъ, руководимыхъ матерью малолѣтняго Іоанна V Палеолога, Анною Савойской, былъ дѣдъ нашего автора, Михаилъ Дука. Внукъ-писатель отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ очень образованномъ и знающемъ между прочимъ медицину. Въместѣ съ тѣмъ о происхожденіи своего дѣда онъ говоритъ въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ³⁾, что у насъ имѣется мало положительныхъ данныхъ заключать отсюда о его родствѣ съ Дуками, занимавшими византійскій престолъ⁴⁾, хотя съ другой стороны мы не можемъ и отрицать его вообще знатнаго происхожденія⁵⁾. Бѣглець нашель радушный пріемъ у независимаго еще тогда вла-

1) Ibid., стр. 100.5—20.

2) Въ этомъ отношеніи Дука — полная противоположность Франдза, который такъ любитъ говорить о себѣ. См. Г. Дестунисъ, Опытъ біографіи Георгія Франдзія. Журналъ М. Н. П. 1893, VI, стр. 427—497.

3) *γένει τε καταγόμενος τῶν ἀνεκὰθεν Δούκων καὶ τῆς αὐτῆς σειρᾶς χρυσόχομος κρίκος*. Дука, стр. 23.16—17.

4) Krumbacher, стр. 305.

5) П. Д. Погодинъ, стр. 218.

дѣтеля сельджукскаго эмирата Аидинъ (*Ἀϊδη*)¹⁾, поселившаго его въ Эфесѣ. Дѣдъ Дуки съ благоговѣніемъ и глубокою благодарностью относился къ давшему ему пріютъ „инородцу и варвару“, памятуя, какъ отнеслись къ нему его же собственные компатріоты (*εἰς τοῦν λαμβάνων τὰς ἀτασθαλίαις τῶν Ῥωμαίων*), и предвидя, что скоро всѣ земли до Дуная попадутъ въ руки турокъ „Божіимъ попущеніемъ за грѣхи современниковъ его и предковъ нашихъ“²⁾. Для этого, впрочемъ, не нужно было быть пророкомъ: достаточно было быть знакомымъ съ истиннымъ положеніемъ вещей и не закрывать на него глазъ. Такимъ образомъ нашъ авторъ — уроженецъ Малой-Азіи, чѣмъ въ значительной степени и объясняется его полная освѣдомленность въ тамошнихъ дѣлахъ³⁾. Объ отцѣ нашего автора намъ неизвѣстно ничего⁴⁾; самъ же онъ находится въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ жившими въ бывшихъ предѣлахъ византійской имперіи генуэзцами. У него имѣется собственный домъ въ Новой Фокеѣ, основанной представителями генуэзской фамиліи Каттанео⁵⁾. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XV в. Дука находится на службѣ у арендовавшаго у турецкаго правительства квасцовыя копи въ Новой Фокеѣ генуэзца же Джованни Адорно (*Ἀδοῦρνος*)⁶⁾. Затѣмъ мы видимъ его на службѣ у могущественнаго генуэзскаго дома Гаттилузи⁷⁾, имѣвшаго владѣнія на западномъ берегу Малой Азіи, на еракійскомъ побережьи и на островѣ Лесбосѣ, который одинъ изъ представителей этой фамиліи, Франческо, получилъ въ 1354 г. въ видѣ приданнаго вмѣстѣ съ рукою сестры Іоанна V Палеолога, Маріи⁸⁾. Гаттилузи не могли сопротивляться турецкому натиску

1) Объ этомъ владѣніи см. Jorga, *Geschichte des osmanischen Reiches*, т. II, стр. 141 (Гота, 1908); о покореніи его въ 1390 г. султаномъ Ваязетомъ I *ibid.*, стр. 306.

2) Все, относящееся къ дѣду Дуки, см. Дука, стр. 23.8—24.6.

3) Jorga, т. I, стр. 305.

4) По словамъ В. Г. Васильевскаго, уже отецъ Дуки былъ на службѣ у Гаттилузи (Обозрѣніе, стр. 81), но мы не находимъ указанія на это у нашего автора.

5) Дука, стр. 162.15. См. также Heud, *Geschichte des Levantehandels*, т. I, стр. 508—509. Штуттгартъ, 1879.

6) Дука, стр. 165.1—15; Heud, т. II, стр. 277—278.

7) О Гаттилузи см. Лависсъ и Рамбо, т. III, стр. 811 и особенно Heud, т. II, стр. 745.

8) Дука, стр. 46.11—17; Heud, т. I, стр. 559; Лависсъ и Рамбо, т. III, стр. 823; Васильевскій, *Обозрѣніе*, стр. 81.

и еще до паденія Константинополя признали надъ собою верховную власть турокъ, что не спасло ихъ, впрочемъ, отъ постепенной къ 1462 г. потери всѣхъ ихъ владѣній. По порученію Дорино Гаттилузи Дука привѣтствовалъ прибывшаго въ іюнь 1455 г. къ Митилинѣ во главѣ турецкаго флота адмирала Магомета II, Гамзу, которому онъ поднесъ очень щедрые подарки¹⁾. Въ другой разъ онъ угощаетъ того же Гамзу обѣдомъ, по приказанію Дорино²⁾. Послѣдній вскорѣ послѣ этого умеръ, и преемникъ его, Доменико, отправилъ Дуку въ Адрианополь къ Магомету II съ извѣстіемъ объ этомъ и съ обычною данью за Лесбось (3000 номисмъ, т. е. около 12000 рублей) и за Лимносъ (2325 номисмъ, т. е. около 9300 руб). Дука описываетъ при этомъ свою аудіенцію у султана и пріемъ у визиря. По требованію Магомета II новый правитель Лесбоса долженъ былъ представиться ему, какъ своему сюзерену лично. Дукѣ пришлось сопровождать Доменико Гаттилузи въ этомъ путешествіи, которое оказалось болѣе продолжительнымъ и затруднительнымъ, чѣмъ ожидали, такъ какъ во Фракіи начала свирѣпствовать чума, избѣгая которой султанъ перебрался въ забалканскую Болгарію, гдѣ, наконецъ, и произошло представленіе ему Гаттилузи³⁾. Въ концѣ того же 1455 г. Дука ѣздилъ въ Константинополь съ жалобою отъ Гаттилузи на одного турецкаго адмирала, позволившаго себѣ разнаго рода насилія въ митилинской гавани. Нашъ авторъ не скрываетъ, что это путешествіе было не изъ удачныхъ. Въ результатѣ его Гаттилузи потеряли свои мало-азіатскія и фракійскія владѣнія и должны были еще заплатить около 40000 руб.⁴⁾ Послѣднее, что намъ говоритъ о себѣ Дука, это то, что въ августѣ 1456 г. онъ возилъ султану обычную дань отъ Гаттилузи⁵⁾. Таковы тѣ краткія, сухія, отрывочныя свѣдѣнія, которыя даетъ намъ Дука о самомъ себѣ. Изъ нихъ видно, что онъ занималъ высокое положеніе при дворѣ Гаттилузи, но нигдѣ мы не найдемъ ни подчеркиванія этого факта, ни тѣни рисовки. Все просто, объективно и правдиво. Впрочемъ, на протяженіи своего труда Дука

1) Дука, стр. 321.14—322.5.

2) Ibid., стр. 326.12.

3) Ibid., стр. 328.12—331.3.

4) Ibid., стр. 334.18—335.6.

5) Ibid., стр. 337.18.

еще нѣсколько разъ говорить о себѣ, но это намъ кажется удобнѣе отмѣтить въ другой связи.

У Дуки, какъ мы уже видѣли, имѣлся цѣлый рядъ положительныхъ качествъ, необходимыхъ для историка и мемуариста. Онъ широко, по своему времени, образованъ. По всей вѣроятности, кромѣ греческаго, онъ владѣлъ еще турецкимъ и итальянскимъ языками. На ряду съ источниками другого рода въ его распоряженіи могли быть тѣ свѣдѣнія, которыя онъ черпалъ отъ своего дѣда, то, наконецъ, что онъ слышалъ при дворѣ Гаттилузи. Къ этому слѣдуетъ прибавить рассказы очевидцевъ и собственныя наблюденія нашего автора, которому никакъ нельзя отказать ни въ пытливости, ни въ наблюдательности, ни въ широкой освѣдомленности, ни въ способности давать прекрасный матеріалъ для соответствующихъ выводовъ изъ того, что онъ видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ. Наблюдать же и встрѣчать ему приходилось многое во время постоянныхъ разъѣздовъ по дѣламъ Гаттилузи.

Мы сказали о широкой освѣдомленности Дуки. Но, само собою разумѣется, полнѣе она и точнѣе въ такихъ фактахъ, которые были ближе ему по тѣмъ или инымъ причинамъ. Хотя, напримѣръ, онъ сообщаетъ многое по исторіи Сербіи, но византійскія дѣла ему ближе, какъ греку, а турецкія, какъ подневольному свидѣтелю постепеннаго развитія могущества турокъ. На нихъ онъ останавливается больше всего и здѣсь даетъ больше всего матеріала для нѣкоторыхъ выводовъ и заключеній.

Изъ разсказа Дуки постепенно вырисовывается передъ нами жалкое положеніе византійской имперіи. Это — картина полнѣйшаго развала и безпомощности. Слабость Византіи эпохи Палеологовъ усиливается еще больше въ виду укрупнившихся при этой династіи порядковъ, нѣсколько напоминающихъ нашу удѣльную систему и заключающихся въ томъ, что императоры отдають своимъ сыновьямъ въ правленіе отдѣльные куски и безъ того ничтожнаго государства, надѣляя ихъ при этомъ титуломъ деспота¹⁾. Объ усобицахъ въ Константинополѣ въ малолѣтство Іоанна V мы уже говорили. Добавимъ только, что участники ихъ приглашаютъ къ себѣ на помощь турокъ и сербовъ²⁾. Сла-

1) Ibid., стр. 44.21—22; 46.8—10; 133.17—21; 134.1—10.

2) Ibid., стр. 31.20—32.5.

бости политической соотвѣтствуетъ и экономическая. Всѣ тор-
говые рынки и пути въ Архипелагѣ, Черномъ и Азовскомъ мо-
ряхъ находятся въ рукахъ генуэзцевъ или венеціанцевъ. Такая
доходная статья, какъ квасцовыя копи близъ Фокеи еще со вре-
менъ Михаила Палеолога (1261—1282 г.) попали въ руки гену-
эзцевъ¹⁾. Ни генуэзцы, ни венеціанцы не находятъ нужнымъ
считаться съ Византіей и съ ея интересами. О постыдной роли
галатскихъ соотечественниковъ первыхъ во время осады Констан-
тинополя Магометомъ II мы еще будемъ говорить, здѣсь же ска-
жемъ только, что генуэзцы предлагали свои услуги всякому,
кто могъ дать имъ соотвѣтствующую компенсацію, или просто
плату. Генуэзецъ Negro по приказанію султана Сулеймана
(1403—1411), щедро наградившаго его потомъ²⁾, укрѣпляетъ ле-
жащій противъ Галлиполи Лампсакъ. Генуэзскіе правители Фо-
кеи и Лесбоса безъ борьбы признаютъ свою зависимость отъ Ма-
гомета I³⁾. Генуэзецъ Паллавичини помогаетъ Мураду II въ его
борьбѣ съ Джунейдомъ⁴⁾. Дука не дѣлаетъ оцѣнки этихъ фак-
товъ ни въ ту ни въ другую сторону, но мы можемъ сказать,
что все, что въ данномъ случаѣ дѣлали генуэзцы, только спо-
собствовало дальнѣйшему ослабленію Византіи. Въ самомъ Кон-
стантинополѣ, въ Галатѣ, могло найти пріютъ и помощь все, что
было враждебно настроено къ Византіи. Вспомнимъ хотя бы
роль генуэзцевъ изъ Галаты въ бѣгствѣ итальянской супруги
Юанна VIII⁵⁾. Это, впрочемъ, ничего, кромѣ удовольствія, свекру
и мужу уродливой принцессы не доставило⁶⁾. Борьба, которую
въ 1416 г. ведутъ въ Архипелагѣ венеціанцы противъ Магомета I,
опять таки была предпринята только въ интересахъ республики,
а не Византіи⁷⁾. Тѣ же венеціанцы въ 1423 г. соглашаются при-
нять подъ свою власть Салоники, которымъ въ то время угро-
жалъ Мурадъ II, только что потерпѣвшій неудачу подъ Констан-
тинополемъ, и, конечно, меньше всего думаютъ о передачѣ ихъ

1) Ibid., стр. 160.12—161.20.

2) *ὁ Μουσουλμὰν ἐδωρήσατο αὐτῷ πλείστα χρήματα.* Ibid., стр. 88.22.

3) Ibid., стр. 106.8 и 108.16.

4) Ibid., стр. 194.17.

5) Ibid., стр. 101.

6) *Ὁ δὲ βασιλεὺς Μαυροῦλ ἐκώλυσε* (попыткѣ византійцевъ расправиться съ жителями Галаты). *Ὁ δὲ βασιλεὺς Ἰωάννης τὸ γεγονός ἀπεδέξατο.* Ibid., стр. 101.16—18.

7) Ibid., стр. 109—111; Heyd, т. II, стр. 277.

Византіи¹⁾. Генуэзцы и венеціанцы, быть можетъ, только лѣтомъ 1452 г. почувствовали, что ударяя по Византіи, турки, могутъ повредить и ихъ интересамъ. Вѣдь, постройка Магометомъ II замка Румели-Гиссаръ²⁾, которой тщетно пытались помѣшать одни лишь жители Византіи³⁾, не только сдавила желѣзнымъ кольцомъ за глотку послѣднюю, отрѣзавши ее отъ всего міра и лишивши такого подпорья, какъ сборъ пошлинъ съ провозимыхъ и привозимыхъ товаровъ⁴⁾. Она отрѣзала и Геную отъ ея черноморскихъ колоній⁵⁾ и напоминала Венеціи, что съ этихъ поръ ея корабли не будутъ ходить безданно, безошлинно въ такіе торговые рынки, какъ бассейнъ Азовскаго моря, Дона или Трапезундъ⁶⁾. А кто, въ родѣ венеціанскаго капитана Алтоніо Риццо, забывалъ о томъ, что Босфоръ уже въ рукахъ не слабой Византіи, а сильной Турціи, того скоро возвращали къ дѣйствительности пушки новаго замка⁷⁾.

Съ другой стороны факты, приводимые тѣмъ же Дукой, вполне объясняютъ намъ, почему всякій, кто могъ, такъ игнорировалъ въ данную эпоху Византію. У Византіи не было больше средствъ заставить другихъ бояться и уважать себя. Въ результатѣ этого оказывалось возможнымъ нижеслѣдующее. Во время усобицы, затѣянной Іоанномъ Кантакузиномъ, одинъ сельджукскій пиратъ, безнаказанно опустошившій почти весь Архипелагъ, спокойно высаживается у Галлиполи и доходитъ до Димотики⁸⁾. Іоаннъ V наканунѣ своей смерти сравниваетъ съ землею только что построенное у Золотыхъ воротъ укрѣпленіе, такъ какъ этого потребовалъ Баязетъ I, пригрозившій въ противномъ случаѣ ослѣпить находившагося при немъ въ качествѣ начальника вспомогательнаго отряда наслѣдника византійскаго престола, Мануила⁹⁾. Султанъ Мурадъ II въ 1422 г. не пожелалъ даже разго-

1) Дука, стр. 197.10—198.2; Heyd, т. II, стр. 279—280.

2) Дука, стр. 241.11—243.1.

3) *τινὲς τῶν τῆς πόλεως ζήλω χινοῦμενοι ἐξήλθον τοῦ κωλύσαι τοὺς Τούρκους, καὶ δὴ συλλήφθentes πάντες διὰ μαχαίρας ἀπέθανον.* Ibid., стр. 243.1—3.

4) Ibid., стр. 246.10—18.

5) Одно мѣсто Дуки (162.12—164.5) знакомитъ между прочимъ насъ съ организаціей управленія генуэзскими колоніями.

6) Дука, стр. 265.13—15.

7) Ibid., стр. 248.7—13; Heyd, т. II, стр. 303.

8) Дука, стр. 27.1—17.

9) Ibid., стр. 48.12—20.

варивать съ послами Мануила II, всячески пытавшагося мирными переговорами¹⁾ отклонить его отъ намѣренія осадить Константинополь. Задержавши пословъ, пока не были закончены всѣ приготовления къ осадѣ, онъ отправилъ ихъ домой съ такимъ наказомъ: „Ступайте, скажите императору, что я скоро приду“²⁾. Возвратившись въ Византію послѣ Флорентійскаго собора, Іоаннъ VIII Палеологъ немедленно же отправляетъ пословъ къ Мураду съ цѣлью увѣрить его въ своей дружбѣ и разсѣять, если у него были какія-либо подозрѣнія относительно истинной цѣли этого путешествія³⁾. Въ молодости того же Іоанна въ православной Византіи православный императоръ Мануиль II долго не рѣшался исполнить просьбу одного турецкаго принца о крещеніи⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣны на византійскомъ и турецкомъ престолахъ разъ отъ разу давали поводъ византійскому правительству увѣрять султановъ въ своихъ дружбѣ или сожалѣніи⁵⁾. Византію не уважали болѣе, да она и сама себя перестала уважать. Если же намъ иногда попадаются факты, казалось бы, иного порядка, то, при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ подкладки, мы быстро убѣждаемся въ ихъ призрачности. Такъ, напр., Магометъ I назначаетъ опекуномъ своихъ дѣтей Мануила II. Султанъ дѣлаетъ это не потому, что вѣрить въ силы императора. Въ немъ просто заговорило чувство отца, знакомаго съ турецкими нравами. Онъ надѣялся, хоть такимъ образомъ, спасти своихъ младшихъ сыновей отъ руки старшаго брата, Мурада. Случилось, однако, именно то, чего такъ боялся султанъ⁶⁾. Два, послѣ Баязета I, наиболѣе грозные для Византіи султана, Мурадъ II и Магометъ II, на первыхъ порахъ своего правленія стараются завѣрить Византію въ своемъ дружескомъ расположеніи⁷⁾. Но это дѣлается только для отвода глазъ. Такъ, пока посольство Мурада унижается передъ Мануиломъ, лукавый султанъ спѣшно заканчиваетъ свои военныя приготовления противъ послѣдняго

1) *καὶ θέλων ὁ βασιλεὺς τὸ πικρὸν μεταβάλλειν πάλιν εἰς γλυκὺ.* Ibid., стр. 183.4—5.

2) Ibid., стр. 183. 16—17.

3) Ibid., стр. 215. 15—24.

4) *ὁ δὲ βασιλεὺς οὐκ ἤθελεν ἀκοῦσαι, ἵνα μὴ σκανδάλων ἀφορμὴ γένηται.* Ibid., стр. 99. 4—5.

5) Ibid., стр. 223. 22; 231. 10—13; 232. 1—5.

6) Ibid., стр. 127. 9—11.

7) Ibid., стр. 131. 23—133. 10; 231. 14.

и его союзника, претендента на престолъ Мустафы¹⁾. Магометъ II точно также желалъ приступить къ нанесенію послѣдняго удара Византіи, спокойно и всесторонне его подготовивши²⁾.

При наличности всего, выше приведеннаго, невольно возникаетъ вопросъ, почему же такъ сравнительно долго продолжалась агонія Византіи, почему турки не нанесли ей послѣдняго удара раньше 1453 г.? Изъ труда хорошо освѣдомленнаго и наблюдательнаго Дуки мы узнаемъ о рядѣ фактовъ, отвѣчающихъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что и у турокъ, не говоря ужъ объ ангорской катастрофѣ, далеко не все было благополучно. Ихъ господство, основанное на насиліи, не могло быть прочнымъ. У Дуки мы постоянно встрѣчаемъ извѣстія о походахъ султановъ то въ европейскія, то въ азіатскія провинціи ихъ имперіи. Если въ первыхъ постоянно приходилось усмирять то сербовъ, то болгаръ, то валаховъ, то албанцевъ, то въ послѣднихъ всякую минуту готовы были вспомнить о своей былой независимости отъ османовъ эмиры сельджукскаго происхожденія въ родѣ Джунеида. Другой слабой стороной турецкой государственности былъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Въ виду многоженства послѣ каждаго изъ султановъ оставалось нѣсколько сыновей, изъ которыхъ каждый склоненъ былъ смотрѣть на себя, какъ на законнаго наслѣдника послѣ своего отца, а на остальныхъ братьевъ какъ на соперниковъ, отъ которыхъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе освободиться. Отсюда и тотъ турецкій „обычай“, опасаясь примѣненія котораго къ своимъ дѣтямъ, Магометъ I поручилъ ихъ заботамъ Мануила II. Если сонаслѣдники были въ рукахъ старшаго брата или, какъ это было при восшествіи на престолъ Магомета II, не вышли еще изъ дѣтскаго возраста, то обезвредить ихъ путемъ немедленнаго умерщвленія не представляло ни малѣйшаго затрудненія.

Дѣло обстояло иначе, если это были уже взрослые люди, находившіеся при томъ внѣ предѣловъ досягаемости. Что могло произойти въ такомъ случаѣ, достаточно видно изъ событій, наступившихъ послѣ того, какъ Баязетъ I попалъ въ 1403 г. въ плѣнъ къ монголамъ. Прежде всего наступила полная анархія

1) Ibid., стр. 157—168.

2) οὐχ ὡς θείων εἰρηνικῶς καὶ εὐνοικῶς διάγειν καὶ ἡγεμονεῦειν, ἀλλὰ καιρὸν ἐξαγορεύων. Ibid., стр. 231. 15.

во всѣхъ турецкихъ владѣнiяхъ, особенно въ мало-азiатской ихъ части. А затѣмъ началась ожесточенная борьба между сыновьями плѣннаго султана Сулейманомъ, Исой, Мусой и Магометомъ, борьба, закончившаяся только въ 1413 г. побѣдою послѣдняго¹⁾. Принимая во вниманiе наличность этихъ двухъ моментовъ, приходится учитывать, насколько они расшатывали и безъ того не особенно прочный строй первобытнаго, по существу, государства уже однимъ тѣмъ, что они давали его внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ возможность и открытыхъ выступленiй и примѣненiя политики интригъ и подвоховъ. Дука даетъ прекрасное объясненiе, очень характерное для положенiя вещей въ турецкой монархiи, почему въ теченiе 40 дней такъ тщательно скрывали смерть Магомета I. До прибытiя новаго султана, Мурада I, о ней знали лишь два визиря, Баязеть и Ибрагимъ, измышлявшiе даже приказанiя отъ лица покойнаго уже Магомета, и два врача, бальзамировавшiе его трупъ²⁾. „Если бы о смерти повелителя“, говоритъ Дука, „знали сосѣднiе народы, ромеи, сербы, генуэзцы, венецианцы, и на востокѣ эмиръ Карамана, то наслѣдникъ престола (*ὁ κληρονόμος*), Мурадъ, не имѣлъ бы возможности возвратиться отъ границъ Персiи, произошли бы смуты въ государствѣ и возстанiе въ армiи. Всѣ восточныя области неизбѣжно стали бы добычей караманскаго эмира, а Фракию опустошили бы христіане. Турокъ постигло бы несчастье, а ромеи расцвѣли бы отъ успѣховъ³⁾“. Здѣсь можно усумниться въ одномъ только: въ возможности расцвѣта Византiи. Ея правителямъ, не желавшимъ быть покорными слугами турокъ, оставалось одно лишь оружіе слабыхъ — интриги, которыя они часто пускали въ ходъ, но не всегда съ успѣхомъ. Имѣемъ въ виду попытки Мануила II использовать къ своей выгодѣ борьбу между Мусою и Магометомъ I⁴⁾, его дипломатичный отказъ выдать Магомету I разбитыхъ послѣднимъ претендента Мустафу и его союзника Джунеида,

1) Jorga, т. I, стр. 325—359; Дука, стр. 78. 10—97. 6. Правда, въ 1415 г. появился еще одинъ претендентъ на престолъ, Мустафа, съ которымъ пришлось бороться и Магомету I и его сыну Мураду (*τὴν ἀρχηγίαν οὐκ ἀταράχως οὐδ' ἄνευ ζάλης εἰσῆλθεν*, говоритъ о послѣднемъ Дука — стр. 125, 11—12) вплоть до 1422 г., но его происхожденiе отъ Баязета I представляется до-вольно сомнительнымъ.

2) Дука, стр. 128. 6—23.

3) Ibid., стр. 129. 1—8.

4) Ibid., стр. 94. 4—95. 21.

отказъ, прикрывавшійся, якобы полнымъ безкорыстіемъ и желаніемъ быть вполне нейтральнымъ¹⁾, а также его потерпѣвшій полное крушеніе планъ воспользоваться тѣми же Мустафою и Джунеидомъ для ослабленія Мурада I²⁾. Все это въ рукахъ византійскихъ императоровъ было такими же попытками съ негодными средствами, какъ и итальянскіе браки сыновей Мануила II³⁾, какъ обращеніе за помощью къ Европѣ⁴⁾, какъ, наконецъ, опыты церковной уніи. Византія была слишкомъ слаба, чтобы стряхнуть съ себя турецкое бремя даже при помощи такихъ средствъ. Другіе же противники турокъ, дѣйствительно, могли быть опасны для нихъ; генуэзцы и венеціанцы сами по себѣ, сербы уже по одному тому, что за ними стояли венгры. Что касается эмирата Караманъ⁵⁾, то это сельджукское владѣніе довольно крупныхъ размѣровъ окончательно вошло въ составъ государства османовъ только въ 1443 г. и при томъ послѣ долгой борьбы⁶⁾. Само собою разумѣется, если какойнибудь Джунеидъ въ теченіе многихъ лѣтъ (1405—1425) доставлялъ столько хлопотъ цѣлому ряду турецкихъ султановъ, то владѣтель Карамана не только казался, но и на самомъ дѣлѣ былъ гораздо опаснѣе. Изъ приведеннаго у насъ ниже (прим. 7 на этой стр.) мѣста Дуки становится понятной та поспѣшность, съ которою Магометъ II при первомъ же извѣстїи о смерти отца вскочилъ на коня, чтобы немедленно отправиться изъ Магнесїи въ Адрианополь. Это произошло не потому только, что „онъ торопился царствовать“, какъ говоритъ Рамбо⁷⁾, представляющій его человѣкомъ, изголодавшимся по власти⁸⁾. Нѣтъ: и онъ, и его совѣтники боялись возстанія⁹⁾.

1) Ibid., стр. 118. 2—121. 22.

2) Ibid., стр. 134. 10—15; 139. 20—140. 3; 152. 13.

3) Ibid. стр. 100. 1—3.

4) Не одни впрочемъ византійцы продолжали мечтать о возобновленіи крестовыхъ походовъ. Магистръ родосскихъ рыцарей грозитъ Магомету I крестовымъ походомъ за то, что по приказу султана было разрушено одно укрѣпленіе возлѣ Смирны (Дука, стр. 107.1—8). Султанъ даже не разсердился за это (*ὁ δὲ Μαχουμὲτ πρώτως φέρων τοὺς λόγους αὐτοῦ ἐβήθως ἀπεκρίνατο*. Ibid., стр. 107. 9).

5) Jorga, т. I, стр. 139—140.

6) Ibid., стр. 387.

7) Лависсъ и Рамбо, т. III, стр. 869.

8) Ibid. стр. 870.

9) Дука, стр., 225. 16; *ἔθος γὰρ ἦν αὐτοῖς ἐν ταῖς ἀλλαγαῖς τῶν ἡγεμόνων*

Этого мало. У того же Дуки мы находимъ рядъ другихъ фактовъ, также говорящихъ о томъ, что внутри государственнаго организма тогдашней Турціи имѣли мѣсто явленія, ослаблявшія его и дающія намъ право назвать строй этого государства первобытнымъ. Имѣемъ въ виду слѣдующее. Объясняя, почему Мануиль II надѣялся на успѣхъ своей интриги, цѣлью которой было противопоставить Мураду II самозванца Мустафу, проживавшаго подъ охраной византійскаго правительства на островѣ Лимносѣ, нашъ авторъ приводитъ данныя, указывающія на то, что у турокъ былъ еще силенъ родовой строй. „У турокъ“, говоритъ онъ, „былъ старинный обычай не интересоваться, отъ кого именно происходитъ то или иное лицо. Важно было одно — принадлежать къ потомкамъ Османа. Если же человекъ не происходилъ отъ этого корня, то нельзя было ни подчиняться ему, ни почитать его за повелителя“¹⁾. Какъ отдали дань этому строю сыновья Баязета I, мы уже видѣли. Кстати тутъ замѣтить, что, пока еще названный султанъ находился на свободѣ, дѣти его управляли различными частями государства. На ряду съ родовымъ строемъ въ нашемъ распоряженіи имѣются факты, дающіе возможность предполагать у тѣхъ же турокъ нѣчто аналогичное съ дружинно-феодальными отношеніями. Джунеидъ находитъ поддержку у своихъ земляковъ, дружба которыхъ къ нему носить наследственный характеръ²⁾. Братъ Джунеида Гамза убѣждаетъ его подчиниться султану Мураду II, который обѣщаетъ отдать ему за это въ наследственное владѣніе (*κατὰ γονιότητος χάριν*) эмиратъ Аидинъ съ тѣмъ только, чтобы одинъ изъ его сыновей находился на службѣ въ войскѣ султана³⁾. Правда, все это только отдѣльныя черточки, но черточки довольно характерныя.

За наличность первобытныхъ условій, въ которыхъ вращался въ XIV—XV в. турецкій міръ, говоритъ и то, что сообщаетъ намъ Дука о военной организаціи османовъ. Неудивительно еще, если Джунеиду, превратившемуся въ концѣ концовъ въ какого-то

ἐνεργεῖν στάσις διὰ τοῦτο καὶ τελευτὴν πολλὰκις κρηπτοντες λέγουσι τῷ λαῷ ὡς ὁ ἡγεμὼν ἀσθενεῖ καὶ τοῦτο ποιοῦσιν ὅτε ὁ μέλλων διαδέξασθαι οὐχ ἐνρίσκειται ἐν ᾧ τόπω ὁ τελευτῶν ὑπάρχει, поясняетъ въ другомъ мѣстѣ (226. 3—8) Дука.

1) Ibid., стр. 134. 18—22; ср. 139. 5—6.

2) Ibid., стр. 174. 5—6; *φίλοι πατριοὶ τοῦ Τζινεῖτ*. Ibid., стр. 175. 9.

3) Ibid., стр. 172. 1—5.

травленнаго волка, не имѣвшаго постояннаго пристанища, приходилось вооружать своихъ приверженцевъ въ буквальный смыслъ слова, чѣмъ попало ¹⁾. Не лучше были порядки и въ султанскихъ войскахъ. Исключеніе представлялъ изъ себя корпусъ янычаръ (*γενίτςερι*) ²⁾, это наиболѣе организованная, холенная ³⁾ и преданная султанамъ ⁴⁾ часть арміи. Остальная же масса представляла изъ себя довольно своеобразную картину и по своей организаціи и по своему снаряженію. Султанъ объявляетъ черезъ особаго глашатая походъ ⁵⁾. И вотъ на этотъ зовъ „бѣгутъ всѣ потокомъ, словно рѣка текущая, по доброй волѣ, большинство безъ мѣшковъ и дорожныхъ сумокъ, безъ копій и сабель, другіе совершаютъ свой путь гѣшкомъ, образуя многотысячные отряды, при этомъ очень многіе изъ нихъ ничего не имѣютъ въ рукахъ, кромѣ дубины“ ⁶⁾. И если такой, по существу, сбродъ опустошаетъ одну за другой и покоряетъ христіанскія страны, то нашъ авторъ склоненъ видѣть въ этомъ обычное свое „наказаніе за грѣхи“ ⁷⁾. За своимъ любимымъ мотивомъ онъ забываетъ въ данномъ случаѣ и численное превосходство турокъ, и ихъ фанатическую энергію и слабость ихъ противниковъ, дѣйствовавшихъ поодиночкѣ.

Кромѣ этихъ фактовъ, объясняющихъ отчасти, чтò мѣшало туркамъ сдѣлать свои завоеванія скорѣе и при томъ сразу же болѣе прочно, въ нашемъ распоряженіи есть еще одинъ, говорящій объ очень интересномъ движеніи, происходившемъ въ первые годы правленія Магомета I среди турецкаго населенія Малой Азіи и направленномъ противъ обычнаго уклада мусульманской религіозной и общественной жизни ⁸⁾. Центромъ этого

1) *Ἐκ τῶν δρυμένων δόρατα κατασκευάσας, καὶ χαλκεύσας λόγχας διασυντόμως κακοσφύρους καὶ ἀνίσους.* Ibid., стр. 175. 10—11.

2) Ibid., стр. 137, 14—139. 4.

3) *τοῦ παρόντος τὰς ἀπολαύσεις ὡς χοῖροι λαγάνων κατατρῶντες.* Ibid., стр. 139. 1—2.

4) *παρόμοιοι κίνεσι λύτταν νοσοῦντες κατὰ τῶν ὁμογενῶν ἔχθραν ἄσπονδον θανατηφόρον ἀεὶ φέρουσι.* Ibid., стр. 139. 2—4.

5) *ἢ καλεῖται κατὰ τὴν αὐτῶν γλῶτταν ἔκκλην.* Ibid., стр. 135. 12—13.

6) Ibid., стр. 135. 13—17.

7) Ibid., стр. 135. 20; 136. 8—15.

8) Извѣстія объ этомъ движеніи, кромѣ Дуки (стр. 111. 22—115. 8), находятся еще у турецкаго историка Сеад-ед-дина (Jorga, т. I, стр. 370, прим. 1). Серіозность его и опасность для турецкаго государства одинаково отмѣчаютъ Гаммеръ (*Geschichte des osmanischen Reiches*, т. I, стр. 375—378. Пештъ, 1827),

движенія, по своимъ мотивамъ и принципамъ нѣсколько напоминающаго намъ аналогичныя явленія въ средневѣковой Европѣ¹⁾, была мѣстность вокругъ горы Стилариа, находящейся на малоазіатскомъ побережьи противъ острова Хиоса. Во главѣ его стоялъ человекъ низкаго происхожденія²⁾, нѣкій Береклюдже-Мустафа (*Περκλιτζία Μουσταφᾶ*)³⁾. Онъ началъ проповѣдывать среди своихъ соотечественниковъ о добровольной бѣдности и о томъ, что все, кромѣ женъ, должно быть общимъ: „пища, одежда, рабочій скотъ и пашня“⁴⁾. Эта проповѣдь своеобразнаго коммунизма нашла себѣ горячій откликъ и многочисленныхъ приверженцевъ среди низшихъ слоевъ населенія⁵⁾. Мало того. Наряду съ этой смѣлой попыткой кореннымъ образомъ измѣнить имущественныя, а слѣдовательно и социальныя отношенія, Мустафа является не менѣе смѣлымъ новаторомъ и въ области отношеній религіозныхъ. Именно, онъ внушалъ своимъ приверженцамъ (и надо сказать, съ большимъ успѣхомъ)⁶⁾ идею о равноцѣнности магометанства съ христіанствомъ⁷⁾, доказывая, что внѣ единенія съ представителями послѣдняго невозможно спасеніе⁸⁾. Въ виду этого онъ не ограничивается дѣятельностью среди своихъ единовѣрцевъ. Черезъ своихъ учениковъ, одѣтыхъ въ одну рубаху и сандалии и ничѣмъ не прикрывавшихъ своихъ бритыхъ головъ, онъ вступаетъ въ сношенія съ представителями христіанскаго населенія острова Хиоса⁹⁾. При этомъ, какъ мы увидимъ ниже, даже нѣкоторые представители клира подпали подъ пол-

Цинкѣйзенъ (*Geschichte des osmanischen Reiches in Europa*, ч. I, стр. 473—481. Гамбургъ, 1840), Герцбергъ (*Исторія Византіи*, стр. 532—533. Москва, 1896) и Юрга (т. I, стр. 370 и 376).

1) Ср. то, что говорится въ появившейся въ 1901 г. подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова книгѣ „Общественныя движенія въ Средніе Вѣка и въ эпоху Реформаціи“ о вальденцахъ (стр. 168), апостольскихъ братствахъ (172), лоллардахъ (212), крайнихъ таборитахъ (252) и утопистахъ изъ Цвиккау (306).

2) *ιδιώτης καὶ ἄγροικος*. Дука, стр. 111. 23.

3) *Ibid.*, стр. 113. 13—14.

4) *Ibid.*, стр. 112. 3—5.

5) *πλανήσας δὲ τοὺς πάντας ἀγροίκους ἐν αὐτῷ τῷ δόγματι*. *Ibid.*, стр. 112. 6—7.

6) *Ibid.*, стр. 112. 10—12.

7) *ἐξέθετο γὰρ δόγμα, ὅστις τῶν Τοῦρκων εἶποι ὅτι Χριστιανὸς οὐχ ὑπάρχουσι θεοσεβεῖς, οὗτος ἀσεβής ἐστι*. *Ibid.*, стр. 112, 8—10.

8) *Ibid.*, стр. 112, 14—16.

9) *Ibid.*, стр. 112. 12—21.

ное обояніе его личности и проповѣди. Насколько же было сильно броженіе, вызванное послѣднею среди турецкаго населенія Анатоліи, насколько оно казалось опаснымъ турецкому правительству и насколько былъ широкъ районъ его распространенія, видно изъ слѣдующаго. Въ горныхъ тѣснинахъ Стиларія приверженцами Мустафы были истреблены цѣлыхъ двѣ карательныхъ экспедиціи, прежде чѣмъ Магомету I удалось подавить и раздавить это революціонное движеніе. Но для этого ему пришлось двинуть туда подъ начальствомъ своего визиря Баязета-паши цѣлую армію, при которой находился и наслѣдникъ престола Мурадъ. И только послѣ упорной борьбы мятежники были разбиты, а глава ихъ со своими приближенными попалъ въ плѣнъ. Ихъ сперва пытали, а затѣмъ подвергли мучительной казни въ Эфесѣ¹⁾. Послѣ этого правительственныя войска занялись истребленіемъ всѣхъ тѣхъ элементовъ среди населенія западной части Малой Азіи, которые казались въ данномъ случаѣ подозрительными, при чемъ особенно безпощадной расправѣ подверглись нищенствующіе дервиши²⁾.

Намъ неизвѣстны (по крайней мѣрѣ изъ Дуки) причины этого движенія. Прилагая къ нему теорію одинаковыхъ результатовъ при наличности одинаковыхъ причинъ, можно предположить, что здѣсь дѣйствовали тѣ же причины, что и въ западной Европѣ въ аналогичныхъ случаяхъ: тяжелое положеніе народныхъ массъ и стремленіе послѣднихъ осуществить свои идеалы общественной справедливости и религіозной правды. Во всей этой исторіи характерна очень еще одна черта. Послѣ казни Мустафы среди его послѣдователей, еще при жизни считавшихъ его выше Магомета³⁾, распространился слухъ о томъ, что онъ все-таки живъ⁴⁾, и, этотъ слухъ, что интереснѣе всего, нашелъ себѣ признаніе даже среди христіанскаго духовенства. По крайней мѣрѣ одинъ хіосскій монахъ, съ которымъ Дука былъ знакомъ лично, былъ увѣренъ, какъ въ этомъ⁵⁾, такъ и вообще въ

1) Ibid., стр. 113. 6—114. 21.

2) *καὶ ὅσους ἐντυχὸν ἐν ἀκτιμοσύνῃ ζῶντας τουρκοκαλονογίρους ἄπαντας μικρῶ θανάτῳ παρέδωκεν.* Ibid., стр. 115. 7—8.

3) Ibid., стр. 115. 15.

4) Ibid., стр., 114. 22.

5) Ibid., стр. 114. 22—115. 4.

способности Мустафы творить чудеса¹⁾. Дука, какъ мы видѣли раньше, не чуждъ вѣры въ чудесное, но къ данному случаю онъ склоненъ относиться болѣе, чѣмъ скептически. Хиосскій знакомецъ Дуки не могъ передать ему своей увѣренности въ данномъ отношеніи²⁾, и въ глазахъ нашего автора Мустафа остался только лже-учителемъ (*ὁ ψευδαββάς*).

Намъ остается теперь выяснитъ національное, политическое и религиозное міросозерцаніе Дуки. Сдѣлать это поможетъ намъ анализъ его отношеній къ описываемымъ лицамъ и событіямъ. Тотъ же анализъ, думается намъ, избавитъ Дуку отъ несправедливыхъ, какъ намъ кажется, нареканій въ пристрастномъ отношеніи къ изображаемому и даже въ подтасовкѣ фактовъ³⁾. Къ счастью, трудъ Дуки даетъ матеріалъ, необходимый для этого въ довольно щедромъ количествѣ.

О томъ, что Дука — человекъ религиозный, мы говорили уже. Былъ ли онъ сторонникомъ уніи или приверженцемъ православія, объ этомъ намъ придется еще сказать. Что же касается національнаго и политическаго міросозерцанія Дуки и тѣсно связаннаго съ нимъ отношенія къ лицамъ и событіямъ, то все это станетъ намъ понятно, если мы будемъ помнить, что Дука — горячій патріотъ, но что патріотизмъ его не слѣпой, и если съ другой стороны будемъ считаться съ тѣмъ, что среди лицъ, выводимыхъ имъ въ своемъ историческомъ трудѣ, далеко не всѣ пользуются его симпатіями, но что, несмотря на это, безпристрастіе, присущее нашему автору, помогаетъ ему называть вещи по именамъ и смотрѣть открытыми глазами, какъ на недостатки друга, такъ и на достоинства врага, не скрывая ни того, ни другого⁴⁾. Дука не заявляетъ въ началѣ своего труда о твердомъ намѣреніи писать „*sine ira et studio*“. Въмѣсто этого онъ такъ пишетъ, далеко не будучи при этомъ равнодушнымъ къ тому, что онъ считалъ добромъ или зломъ. Впрочемъ, обратимся лучше къ фактамъ.

1) Ibid., стр. 112. 22—113. 6.

2) *εις οὐδὲν ἐγὼ τὰς φαντασίας αὐτοῦ οὔτε πιστεύσας οὔτε κατὰ νοῦν λαβών.* Ibid., стр. 115. 4—5.

3) П. Д. Погодинъ, стр. 219.

4) Въ этомъ отношеніи Дука, по нашему мнѣнію, стоитъ неизмѣримо выше Франдзи, часто забывавшаго, что „*amicus Plato, sed magis amica veritas*“. Ср. П. Д. Погодинъ, стр. 207—208.

Какъ горячій патриотъ, Дука не любитъ турокъ и не считаетъ нужнымъ скрывать это. Не говоря уже о чисто животной похотливости турокъ, нашъ авторъ, на основаніи личнаго опыта и по разсказамъ другихъ свѣдущихъ людей, обвиняетъ ихъ въ звѣрской жестокости¹⁾, жадности и корыстолюбіи²⁾. Турки — національные враги ромеевъ, причинившіе послѣднимъ массу зла. Отсюда, между прочимъ, становятся понятными симпатіи нашего автора къ народу, хоть временно ослабившему мощь турокъ, т. е. къ монголамъ. Правда, онъ не замалчиваетъ ужасовъ, творимыхъ послѣдними³⁾, но охотно подчеркиваетъ великодушіе Тамерлана⁴⁾ и вставляетъ въ его рѣчь къ войскамъ характерное мѣсто, гдѣ предки ромеевъ, греки, уподобляются полубогамъ и героямъ, по сравненію съ которыми полуварвары-турки — то же, что саранча передъ львомъ⁵⁾. Также враждебно относится Дука и къ вѣроисповѣданію турокъ. По его мнѣнію, магометанство — безбожіе (*ἡ ἀσέβεια*)⁶⁾; эпитетъ „нечистый“ (*μαρός*) Дука щедро прилагаетъ и къ самой противной ему религіи⁷⁾, и къ корану⁸⁾, и къ голосу муэдзина, созывающаго правовѣрныхъ на молитву⁹⁾, и къ мулламъ¹⁰⁾ и къ ихъ молитвамъ¹¹⁾. Магомета онъ называетъ лже-пророкомъ¹²⁾, а того муллу, который первымъ взошелъ на амвонъ Св. Софій для произнесенія магометанской молитвы — „сыномъ беззаконія и предтечею Антихриста“¹³⁾. Ненависть къ туркамъ доходитъ у нашего автора до того, что даже въ спасеніи турецкаго корабля во время бури онъ видитъ только руку Божію, карающую ромеевъ за грѣхи¹⁴⁾. Но относясь такъ отрицательно къ туркамъ въ цѣломъ, Дука не скрываетъ и такихъ

1) Дука, стр. 53. 7—11.

2) Ibid., стр. 287. 15—288. 1.

3) Ibid., стр. 65. 16; 71. 22—23; 75. 10; 76. 15.

4) Ibid., стр. 69. 10; 76. 22—77. 8; 77. 20.

5) Ibid., стр. 64. 21—65. 1.

6) Ibid., стр. 109. 3.

7) Ibid., стр. 226. 12.

8) Ibid., стр. 232. 13.

9) Ibid., стр. 281. 7.

10) Ibid., стр. 298. 23.

11) Ibid., стр. 299. 2.

12) Ibid., стр. 232. 12.

13) Ibid., стр. 299. 2—3.

14) Ibid., стр. 332. 1—3.

положительныхъ качествъ этой націи, какъ воинственность, энергія¹⁾ и мужество²⁾.

Такое же отношеніе мы наблюдаемъ и тамъ, гдѣ нашъ авторъ говоритъ объ отдѣльныхъ представителяхъ турецкаго народа. Сравнительно рѣдко въ его изображеніи челоуѣкъ рисуется намъ только положительными или однѣми отрицательными чертами. Какъ это бываетъ и въ дѣйствительности, лица, выводимыя Дукой, обычно не представляются намъ односторонне. Дука не любитъ развратнаго³⁾ тиранна⁴⁾ и „христіаноборца“ (*χριστιανομάχος*)⁵⁾ Баязета I, „соблюдающаго до мелочей безбожныя заповѣди Магомета“⁶⁾. Онъ не скрываетъ своей радости, когда этотъ султанъ, разбитый при Ангорѣ, „трепеталъ, какъ рыба, попавшая въ сѣти“⁷⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не считаетъ возможнымъ умолчать объ его военныхъ талантахъ⁸⁾ и неутомимой энергіи (*ἀγροπνως*), хотя эти положительныя качества и были направлены „противъ словесныхъ овецъ Христовыхъ“⁹⁾. Неудивительно, что султанъ Магометъ I пользуется расположеніемъ нашего автора. Его сравнительно миролюбивая политика по отношенію къ христіанамъ вообще и къ Византіи въ частности, его честность и великодушіе¹⁰⁾ находятъ полное признаніе со стороны послѣдняго. Даже въ естественномъ концѣ этого друга Мануила II Дука склоненъ видѣть своего рода награду судьбы за то, что онъ не былъ похожъ на своихъ предшественниковъ, погибавшихъ обычно насильственной смертью¹¹⁾. Завоеватель Салоникъ, Мурадъ II, пытавшійся, кромѣ того, въ 1422 г. взять и Константинополь, казалось бы, не могъ возбудить къ себѣ особенныхъ симпатій со стороны патріотически настроеннаго Дуки. Тѣмъ не менѣе по-

1) Ibid., стр. 34. 21.

2) Ibid., стр. 298. 11—12.

3) Ibid., стр. 57. 5—15.

4) Ibid., стр. 47. 17; 48. 21.

5) Ibid., стр. 17. 9.

6) Ibid., стр. 17. 11—12.

7) Ibid., стр. 67. 14—15.

8) *ἀνὴρ δεινὸς καὶ περὶ τὰ πολεμικὰ ἔργα γρήγορος*. Ibid., стр. 17. 8—9.

9) Ibid., стр. 17. 12—14.

10) Ibid., стр. 97. 21—98. 6; 108. 13—109. 5; 116. 20—117. 2.

11) *καὶ γὰρ οἱ μὲν φαρμάκω, οἱ δὲ πνιγμονῇ, ἕτεροι μαχαίραις τὸν βίον κατέλυσαν πλὴν τούτου, τῆς Ἀτρόπου παραβλεψάσης, ὡς οἶμαι, ἐνεκα φιλίας ἣν ἔσχε καθαρὰν πρὸς τοὺς αὐτοκράτορας καὶ συμπάθειαν ἣν ἐδείκνυ πρὸς τὸ τοῦ Χριστοῦ ἐπήκοον*. Ibid., стр. 124. 13—18.

слѣдній, говоря о его безболѣзненной кончинѣ, склоненъ и въ данномъ случаѣ видѣть милость Божію за гуманное отношеніе покойнаго султана ко всѣмъ людямъ, не исключая и христіанъ, за его милосердіе къ бѣднымъ, за честное исполненіе мирныхъ и союзныхъ договоровъ, за то, наконецъ, что онъ, карая нарушителей послѣднихъ, никогда не поддавался чувству мести и щадилъ тѣхъ, кто просилъ прощенія¹⁾. Агрессивную же политику Мурада II, человекъ въ высшей степени прямого и чуждаго лукавства, Дука готовъ объяснять навѣтами его визиря, „сатаны“ Фадуллаха²⁾, возбудившаго его противъ христіанъ³⁾. Прекраснаго отзыва удостоиваетъ Дука и безхитростнаго, добраго, щедраго къ бѣднякамъ султана Сулеймана (1403—1411)⁴⁾. Всеи душой ненавидитъ нашъ авторъ Магомета II. Вступленіе послѣдняго на престоль, по его мнѣнію, кара Божія за грѣхи⁵⁾. Онъ не жалѣеть бранныхъ эпитетовъ, чтобы заклеить этого новаго Навуходносора, тиранна и варвара⁶⁾. Дука передаетъ намъ рядъ фактовъ, говорящихъ о хитрости и коварствѣ этого волка въ овечьей шкурѣ⁷⁾, объ его нечеловѣческой жестокости, въ силу которой онъ не останавливается ни передъ умерщвленіемъ своего малолѣтнаго брата⁸⁾, ни передъ приказаніемъ посадить на колъ капитана венеціанскаго корабля Риццо, думавшаго было прорваться черезъ Босфоръ безъ уплаты пошлинъ. Весь экипажъ несчастнаго венеціанца былъ обезглавленъ, и нашъ авторъ самъ видѣлъ его брошенные безъ погребенія трупы⁹⁾. Съ другой стороны Магометъ II рисуется намъ человекѣмъ скрыт-

1) Ibid., стр. 228. 1—20.

2) *ὁ δὲ ἡγεμὼν ἀπλούστατος ὢν καὶ μὴ ἔχων πονηρίαν ἐν καρδίᾳ, ἔδωκεν ὡτα τοῖς λόγοις τοῦ Σατανᾶ.* Ibid., стр. 208. 23—209. 1.

3) Ibid., стр. 208. 1—23.

4) Ibid., стр. 87. 17; 89. 10—20.

5) *ὡς οὐκ ὄφελον, πλὴν παραχωρήσει θεοῦ διὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν.* Ibid., стр. 227. 8—9.

6) Ibid., стр. 241. 1; 242. 14; 245. 23; 252. 12; *τὸ αἰμοβόρον τοῦτο θηρίον (230. 7—8); ταῦτα (т. е. слова визиря Халиля) πρὸς ὀλίγον ἡμέρωσαν τὸν ἄγριον θῆρα (251. 12); ὁ προβατόσκηνος λύκος (302. 6); ἐκεῖνος δὲ ὁ πρὸ τοῦ ἀντιχριστοῦ ἀντίχριστος, ὁ τοῦ Χριστοῦ μου ποιμνῆς φθορεὺς, ὁ ἐχθρὸς τοῦ σταυροῦ καὶ τῶν πιστευόντων εἰς τὸν ἐν αὐτῷ παρόντα, φιλικὸν προσώπειον ἐνδυνθεῖς ὡς μαθητῆς τοῦ μεταμορφωθέντος εἰς ὄφιν Σατανᾶ.* Ibid., стр. 232. 7—11.

7) *ταῦτα καὶ ἔτερα τὴν ἀγρίον δορὰν ὑπερδυνθεῖς ἔπραττε, λύκος ὢν καὶ πρὸ τῆς γενέσεως.* Ibid., стр. 231. 16—18; 301. 20.

8) Ibid., стр. 280. 22—23.

9) Ibid., стр. 248. 16—20.

нымъ и вспыльчивымъ¹⁾. Политика его поэтому носила двучленный характеръ²⁾, и султанъ часто позволялъ себѣ собственноручныя расправы съ подданными³⁾. Несмотря на все это, Дука отдаетъ должное той энергіи, съ которой Магометъ II заботился о взятіи „города“, проводя бессонныя ночи и лично входя во все⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приходитъ чуть не въ восторгъ отъ плана Магомета II переташить корабли въ Золотой Рогъ по сушѣ⁵⁾, называя этотъ хитрый замыселъ славнымъ и мужественнымъ⁶⁾. Безпристрастіе Дуки видно также и изъ его отношенія къ визирямъ, Магомета I и Мурада II Баязету и Магомета II Халилю. Не скрывая надменности перваго⁷⁾, онъ указываетъ на цѣлый рядъ положительныхъ достоинствъ этого государственнаго чело-вѣка⁸⁾, хотя таланты его далеко не пошли впрокъ Византіи⁹⁾. Другое изъ названныхъ лицъ, Халиль-паша (*πασίας*), былъ настолько дружески расположенъ къ ромеямъ, что турки прозвали его покровителемъ невѣрныхъ (*καβούρ ορταγή*). Дука впрочемъ не скрываетъ секрета этого расположенія. Правда, оно отчасти было результатомъ природнаго добродушія Халиля, но съ другой стороны оно оказывается далеко не безкорыстнымъ. Визирь любилъ золото, и ромеямъ приходилось по отношенію къ нему не скупиться на подношенія¹⁰⁾. У Дуки находится слово сочувствія (*ὁ δύστηνος*)¹¹⁾ даже къ измѣнявшему всѣмъ и каждому¹²⁾, лукавому и пронырливому (*πονηρὸς καὶ περίεργος*)¹³⁾ Джунейду.

Таково отношеніе Дуки къ туркамъ, посмотримъ теперь, какъ онъ относился къ христіанамъ вообще и къ своимъ соотечественникамъ въ частности. Принадлежать къ той или иной изъ хри-

1) Ibid., стр. 341. 2—13.

2) Ibid., стр. 236. 17—237. 23.

3) Ibid., стр. 270. 3; 284. 5—8; 298. 11—19.

4) Ibid., стр. 250. 4—252. 9.

5) Ibid., стр. 271. 13—22.

6) *τεχνάζεται γενναῖον τι καὶ ἀνδρεῖον σόφισμα*. Ibid., стр. 270. 20—21.

7) *καὶ γὰρ ὑπεροφρὸς ἦν ὁ ἀνὴρ καὶ τοῖς πολλοῖς σκαπιτικός*. Ibid., стр. 143. 5.

8) Ibid., стр. 126; 144. 8.

9) Ibid., стр. 135. 9—10.

10) Ibid., стр. 235. 10—15. *ἦν γὰρ ἀεὶ ὑπερασπίζων τοῖς Ῥωμαίοις, καὶ οἱ Ῥωμαῖοι τοῦτον ὡς δεξιὰν χεῖρα ἐκέκτηντο, καὶ τὴν δεξιὰν αὐτοῦ δώροισ ἐπλήρουν*. Ibid., стр. 251. 1—5.

11) Ibid., стр. 151. 19.

12) Ibid., стр. 169—176.

13) Ibid., стр. 87. 18.

стіанскихъ народностей еще не значило въ глазахъ нашего историка получить дипломъ на безукоризненность. Онъ и здѣсь умѣетъ отличать свѣтлыя и тѣневныя стороны. Онъ, напр., съ большою похвалою отзывается о благочестіи и вѣрности долгу критянъ, изъ которыхъ при Мануилѣ II набиралась дворцовая стража¹⁾. Валахи же, наоборотъ, не пользуются его симпатіями, какъ народъ непостоянный (*ἀσύντατος*) и склонный къ измѣнѣ²⁾. Не симпатиченъ ему и распутный³⁾ владѣтель Валахій, Мирча (*Μύλτζα*). Интересно его отношеніе къ итальянцамъ, т. е. къ венеціанцамъ и особенно къ генуэзцамъ. Въ нашей литературѣ высказывались мнѣнія о пристрастіи Дуки къ тѣмъ и другимъ⁴⁾. Какъ намъ кажется, онъ едва ли заслуживаетъ этого упрека. Въ самомъ дѣлѣ, о венеціанцахъ у него говорится сравнительно не много. Отдавая должное ихъ мужеству въ борьбѣ съ турками, Дука, при всей своей ненависти къ послѣднимъ, не приходитъ въ восторгъ отъ варварской расправы венеціанцевъ съ попавшими къ нимъ въ плѣнъ турками⁵⁾. Не замалчиваетъ онъ съ другой стороны и такихъ фактовъ, какъ рядъ висѣлицъ на островѣ Тенедосѣ, на которыхъ качались повѣшенные венеціанцами же христіане, попавшіе къ нимъ въ руки съ разбитой турецкой флотиліи⁶⁾ и заподозрѣнные въ добровольномъ служеніи туркамъ⁷⁾, или, какъ насилія надъ греческимъ населеніемъ Салоникъ, добровольно передавшимся въ 1423 г. венеціанцамъ⁸⁾. Если относительно венеціанцевъ скорѣе можно говорить о безпристрастіи приводимыхъ фактовъ, чѣмъ самого автора, ни въ чемъ не выражающаго своего отношенія къ нимъ, то съ генуэзцами дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Дука, какъ мы это уже видѣли, находился съ ними въ тѣсныхъ связяхъ, былъ имъ многимъ обязанъ; тѣмъ не менѣе и приводимые имъ факты и имѣ-

1) Ibid., стр. 185. 6—10.

2) Ibid., стр. 201. 21—23.

3) *εἶχε γὰρ πολλοὺς νόθους ἀσώτως ζῶν.* Ibid., стр. 201. 13.

4) В. Г. Васильевскій, Обзоръніе, стр. 81; П. Д. Погодинъ, стр. 219.

5) Дука, стр. 110. 20.

6) Имѣется въ виду битва у Галлиполи 29 мая 1416 г.

7) Дука, стр. 110. 20—111. 2. Дука говоритъ объ этомъ фактѣ безъ всякихъ комментаріевъ, какъ и о варварскомъ пирѣ султана Мусы послѣ побѣды надъ сербами (стр. 92. 15—17), нѣсколько напоминающемъ финалъ битвы на Калкѣ.

8) Ibid., стр. 198. 7—19.

ющееся по мѣстамъ освѣщеніе послѣднихъ еще менѣе даютъ намъ права упрекнуть его въ пристрастіи. Во время борьбы султана Мурада II съ претендентомъ на престолъ Мустафою, первый нуждался во флотѣ для перевозки своихъ войскъ изъ азіатскихъ владѣній въ европейскія, гдѣ утвердился послѣдній. Такъ какъ Мустафа находилъ сочувствіе и поддержку у императора Мануила II, то военныя мѣропріятія Мурада II не были безразличны и для Византіи. Упомянутымъ затрудненіемъ султана рѣшилъ воспользоваться арендовавшей въ это время фокейскія квасцовыя копи генуэзецъ Адорно, матеріальныя дѣла котораго въ виду заминки въ торговлѣ находились не въ блестящемъ состояніи. Въ надеждѣ на щедрую награду онъ предложилъ Мураду II свои суда¹⁾. Дука, занимавшій при Адорно должность секретаря и лично составившій его письменное предложеніе услугъ султану²⁾, все таки находить, что его патронъ „задумалъ планъ подходящий и для своихъ интересовъ полезный, но цѣною гибели множества христіанъ“³⁾. Кромѣ судовъ, Адорно предоставилъ въ распоряженіе султана еще 2000 прекрасно вооруженныхъ солдатъ изъ своихъ компатріотовъ⁴⁾. И вотъ, когда флотъ направлялся къ европейскимъ берегамъ, Адорно падаетъ передъ султаномъ на колѣни и умоляетъ его простить ему старыя недоимки по арендѣ (около 108000 руб.). Эта просьба была милостиво уважена⁵⁾, а сверхъ того, въ послѣдствіи Адорно, кромѣ другихъ подарковъ, получилъ отъ султана въ пожизненное владѣніе городокъ Периеоріонъ и торговыя пошлины (*τὰ κομμέρια*) съ фокейцевъ⁶⁾. Съ такимъ же предательскимъ, лукавымъ, эгоистичнымъ и вреднымъ для Византіи характеромъ представляется намъ въ изображеніи Дуки и поведеніе генуэзцевъ Галаты во время осады Константинополя въ 1453 г. 7). Сношенія галатской колоніи съ Магометомъ II нача-

1) Ibid., стр. 164. 12—22.

2) Ibid., стр. 164. 23—165. 8.

3) *βουλευεται βουλὴν γενναίαν καὶ συνετὴν ἕνεκα κέρδους αὐτοῦ, διὰ πολλῶν δὲ χριστιανῶν βλάβην.* Ibid., стр. 164. 22—23.

4) Ibid., стр. 180. 15—17.

5) Ibid., стр. 178. 16—21.

6) Ibid., стр. 178. 1—3.

7) Мы рѣшительно не понимаемъ, на основаніи какихъ данныхъ г. Погодинъ (стр. 219) заключаетъ, что „Дука даже для недостойнаго поведенія Галаты,

лись еще въ 1451 г., когда представители ея явились съ подарками привѣтствовать этого „демона во плоти“ (*σαρκοφόρο δαιμόνι*)¹⁾ по поводу вступленія его на престолъ. Затѣмъ въ апрѣлѣ 1453 г. они отправляютъ новое посольство къ султану съ просьбой помнитъ о прежней дружбѣ. Посольство было принято благосклонно и обѣщало исполнить требованіе Магомета II не помогать Константинополю. И вотъ съ этихъ поръ начинается двойная игра, всѣ перепетіи которой Дука вскрываетъ совершенно правдиво, нисколько не думая выгораживать галатскихъ генуэзцевъ. Пообѣщавъ султану одно, но, не совсѣмъ вѣря въ конечный успѣхъ его предпріятія и въ его дружескія завѣренія, они тайно помогаютъ жителямъ Константинополя²⁾. Но эта помощь, чего Дука и не скрываетъ, носить измѣннической характеръ помощи на два фронта. Высказывая притворное расположеніе къ ромеямъ³⁾, одни изъ нихъ, тайкомъ по ночамъ, перебирались въ Константинополь и занимали въ значительномъ количествѣ мѣсто въ рядахъ защитниковъ города, помогая такимъ образомъ доблестному отряду Джустиніани, другіе въ это время снабжали турокъ не только необходимыми свѣдѣніями, но даже масломъ для смазки метательныхъ орудій⁴⁾. Между прочимъ они предупредили турокъ о планѣ осажденныхъ поджечь турецкій флотъ⁵⁾. Правда, во время бомбардировки страдало кое-что и изъ принадлежавшаго жителямъ Галаты, но турки успокаивали ихъ обѣщаніемъ наградъ въ будущемъ⁶⁾. Часть жителей Галаты послѣ штурма Константинополя предпочла, не дожидаясь обѣщанныхъ наградъ, спастись на находившихся въ гавани корабляхъ, но большинство осталось на старомъ мѣстѣ, отдавшись на милость побѣдителя⁷⁾.

служившей одновременно туркамъ и византіяцамъ, находить оправданіе, для чего не стѣсняется подтасовывать данныя.“ Очень жаль, что такое тяжкое обвиненіе брошено вполне голословно. Съ другой стороны, какъ намъ кажется, слѣдовало бы строго различать ту кучку генуэзцевъ, которые, дѣйствительно, геройски держались вокругъ Джустиніани, отъ ихъ земляковъ изъ Галаты. Ср. Герцбергъ, стр. 572.

1) Дука, стр. 233. 5—7.

2) Ibid., стр. 267. 8—21.

3) *καὶ γὰρ ἦσαν αὐτοῖς δεκνόντες ἀγάπην.* Ibid., стр. 275.13.

4) Ibid., стр. 275.10—20.

5) Ibid., стр. 277. 13—14.

6) Ibid., стр. 278.7—279.10.

7) Ibid., стр. 297.4—9; ср. Heyd, т. II, стр. 308—310.

Въ такихъ непривлекательныхъ чертахъ изобразилъ намъ Дука поведеніе жителей Галаты во время осады Константинополя въ 1453 г. Совсѣмъ въ иныхъ краскахъ рисуеъ онъ Джованни Джустиніани и его геройскихъ сподвижниковъ¹⁾. „Прото-страторъ“²⁾ представляется намъ человѣкомъ талантливымъ (*ἐπιδέξιος*), обладающимъ огромнымъ опытомъ въ военномъ дѣлѣ³⁾, отважнымъ воиномъ-гигантомъ⁴⁾. Принимая во вниманіе этотъ отзывъ Дуки, съ которымъ по существу сходится и Франдзи⁵⁾, а также и то обстоятельство, что рана, отъ которой Джустиніани черезъ нѣсколько дней умеръ, никакъ не можетъ быть причислена къ разряду легкихъ⁶⁾, едва ли возможно объяснять уходъ Джустиніани съ мѣста сраженія трусостью⁷⁾ и видѣть въ этомъ удаленіи нѣчто такое, что нуждается въ оправданіи⁸⁾.

Теперь намъ остается выяснитъ отношеніе Дуки къ ромеямъ, какъ онъ называетъ своихъ компатріотовъ, въ цѣломъ, а также къ отдѣльнымъ представителямъ этой націи и, наконецъ, къ вопросу о соединеніи церквей. Насколько возможно судить обо всемъ этомъ на основаніи тщательнаго изученія историческаго труда Дуки, послѣдній и здѣсь остается добросовѣстнымъ рассказчикомъ о слышанномъ и видѣнномъ, старающимся быть безпристрастнымъ въ своемъ повѣствованіи.

Мы уже говорили выше, что Дука — горячій патріотъ, но не изъ тѣхъ патріотовъ, которые во имя предвзятой идеи готовы закрывать глаза на все. Его патріотизмъ обладаетъ тѣмъ здоровымъ качествомъ, при наличности котораго факты отрицательнаго порядка не переходятъ въ положительные и наоборотъ. Отличая доброе отъ дурнаго въ чужихъ, онъ такъ же относится

1) ἔκτοτε οὖν ἐμάχοντο ἡρωϊκῶς οἱ Λατῖνοι σὺν τῷ Ἰωάννῃ. Ibid., стр., 266.8. ἔχων καὶ πολεμικὰς παρασκευὰς πολλὰς καὶ καλὰς, σὺν ἐνόπλοις νέοις Γενούταις ἀρείων πνέοντας θυμόν. Ibid., стр. 265.19—20.

2) Ibid., стр. 266.1.

3) εἰς παραταγὰς καὶ συνασπισμοὺς πολέμων δοκιμώτατος. Ibid., стр. 265.21—22.

4) Ibid., стр. 284.14.

5) Франдзи, стр. 246.20—21; 263. 10—16.

6) ἐπλήγη γὰρ διὰ μολυβοβολῶν ἐν τῇ χειρὶ ὄπισθεν τοῦ βραχίονος. Дука, стр. 284.14—15. Леонардъ Хиосскій опредѣляетъ положеніе раны еще точнѣе: Joannes Justinianus sagitta sub axilla configitur (Migne, Patrologia graeca, т. CLIX, стр. 940). Франдзи говорятъ (стр. 283.17—18) почему-то о ранѣ въ бедро: ἐπλήγη τόξον βέλει ἐν τοῖς σκέλεσιν ἐπὶ τὸν δεξιὸν πόδα.

7) Франдзи, стр. 263.17—18.

8) П. Д. Погодинъ, стр. 219.

и къ своимъ. Онъ знаетъ грѣхи своего народа, не скрываетъ своего горькаго чувства по ихъ поводу, но въ то же время не замалчиваетъ фактовъ положительнаго порядка и искренно горюетъ о плачевной судьбѣ своихъ земляковъ и дорогого ему „города“. Характерно въ этомъ смыслѣ отношеніе нашего автора къ императору Іоанну VI Кантакузину. Дука — горячій сторонникъ послѣдняго. Въ силу этого онъ рѣшительно отказывается видѣть какія бы то ни было достоинства въ Алексѣѣ Апокавкѣ, который изъ приверженца Кантакузина превратился въ его политическаго противника. Дука представляетъ его недостойнымъ человѣкомъ низкаго, трусливаго характера, способнымъ только на козни и интриги¹⁾. Его гибель не вызываетъ чувства состраданія у нашего автора²⁾. Зато о Кантакузинѣ дается самый блестящій отзывъ³⁾. Превозносятся его энергія⁴⁾, умъ, опытность въ военномъ дѣлѣ⁵⁾ и благородство⁶⁾, указывается на его миролюбіе и тактъ⁷⁾, корректное отношеніе къ Іоанну V Палеологу и его матери⁸⁾, цѣликомъ, наконецъ, оправдывается его узурпація⁹⁾, въ которой Дука склоненъ усматривать проявленіе воли Божіей¹⁰⁾. Казалось бы, дальше трудно итти въ партійномъ ослѣпленіи. Но у того же Дуки мы находимъ рядъ фактовъ, говорящихъ о томъ, что это ослѣпленіе далеко не было полнымъ. Онъ съ горечью говоритъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя причиняла несчастнымъ ромеямъ междуусобная борьба Кантакузина съ Палеологами, о насиліяхъ, которыя производили надъ населеніемъ имперіи втянутые въ эту борьбу сербы и турки¹¹⁾; онъ считаетъ гибельнымъ для ромеевъ союзъ Кантакузина съ турецкимъ султаномъ Орханомъ¹²⁾, и его возмущаетъ бракъ дочери Канта-

1) Дука, стр. 21.10—12.

2) *ὁ δὲ κατὰ γῆς ἀπὸ τοῦ ἱπποῦ ὡς ἀπ' οὐρανοῦ ἄλλος Σατὰν πίπτει.* Ibid., стр. 22.17—18.

3) Даже родственниковъ и друзей будущаго узурпатора Дука называетъ : *ἄνδρας ἡμιθέους ἠρώας καὶ Πελοπίδων καὶ Αἰακίδων ἀπογόνους.* Ibid., стр. 21.16—17.

4) Ibid., стр. 39.9.

5) Ibid., стр. 19.22; 32.7—9.

6) *καὶ τῶν ἐδυνῶν ὡς εἴποι τις ἄνθρωπος εὖοισμον.* Ibid., стр. 19.23.

7) Ibid., стр. 37.11—17.

8) Ibid., стр. 38.1—4.

9) Ibid., стр. 24.7—23.

10) Ibid., стр. 25.6—7.

11) Ibid., стр. 29.1; 35.10—18.

12) Ibid., стр. 35.5—9.

кузина съ послѣднимъ¹⁾. Все, выше сказанное, является характернымъ для Дуки, потому что нашъ авторъ виденъ здѣсь цѣликомъ, какъ человекъ и патриотъ, болѣвшій за свою родину, страстно желавшій ей добра и въ значительной степени отразившій въ своемъ трудѣ современную ему дѣйствительность такую, какова она была на самомъ дѣлѣ.

Дуку возмущаетъ малодушіе жителей Константинополя, готовыхъ было по требованію султана Баязета I сдать ему свой городъ, и онъ радуется, когда они во-время отказались отъ этого плана²⁾. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ о томъ храброе сопротивленіи, которое оказали въ 1410 г. жители византійской столицы войскамъ султана Мусы³⁾. Какъ патриота, его трогаютъ всѣ бѣдствія (*δυστυχήματα*)⁴⁾ ромеевъ, которыя пришлось переносить послѣднимъ во время блокады столицы Баязетомъ I⁵⁾ и объ освобожденіи отъ которыхъ онъ возноситъ смиренную мольбу⁶⁾. Но нигдѣ его патриотическое чувство не достигаетъ такой высоты и напряженія, какъ тамъ, гдѣ онъ касается послѣдняго трагическаго акта византійской исторіи⁷⁾. Съ жалостью, смѣшанною съ негодованіемъ, говоритъ Дука о томъ, какъ должны были унижаться византійцы передъ вступившимъ на престолъ Магометомъ II⁸⁾. Перейдя затѣмъ къ описанію осады и взятія Константинополя турками, Дука отдастъ должное мужеству той незначительной, сравнительно съ турецкими силами, кучкѣ византійцевъ, которые отстаивали свой „городъ“ вмѣстѣ съ такими же немногочисленными отрядами союзниковъ⁹⁾. Дука

1) *ἡ μάχη μνηστία*. Ibid. стр. 34.19.

2) Ibid., стр. 53.5--15.

3) Ibid., стр. 93.3--19.

4) Ibid., стр. 46.22.

5) Ibid., стр. 50.10--17.

6) Ibid., стр. 57.16--21.

7) Намъ крайне удивило „трагикомическое впечатлѣніе“, произведенное на покойнаго профессора Московской Духовной Академіи, Лебедева, обстановкой паденія Византіи, въ которой, по его мнѣнію, „комическій элементъ несомнѣнно преобладаетъ надъ трагическимъ“. А. Лебедевъ, Очерки по исторіи византійско-восточной церкви, стр. 630. Москва, 1892.

8) Дука, стр. 232.2; 234.15.

9) Скромную цифру защитниковъ Константинополя (4973 грека и около 2000 союзниковъ) устанавливаетъ Франдзи (стр. 240.17--20) „съ великою печалью и огорченіемъ“ (*μετὰ λύπης καὶ σκνθροπότητος πολλῆς*. Стр. 241.11).

прекрасно понимаетъ, что только чудо¹⁾ могло доставить побѣду ромеямъ, когда приходилось сражаться одному защитнику „города“ противъ двадцати турокъ²⁾. Понятно поэтому, что бѣгство грековъ, вдобавокъ обойденныхъ турками, не вызываетъ порицанія съ его стороны³⁾. Чувствомъ глубокой печали и неподдѣльнаго горя вѣсть съ тѣхъ страницъ труда Дуки, гдѣ онъ оплакиваетъ паденіе Константинополя⁴⁾ и оскверненіе Св. Софіи⁵⁾.

Мы позволимъ себѣ привести въ русскомъ переводѣ наиболѣе характерное мѣсто изъ этого „плача“⁶⁾. „О городъ, городъ“, восклицаетъ Дука, „глава всѣхъ городовъ! О городъ, городъ, центръ четырехъ странъ свѣта! О городъ, городъ, похвала христіанъ, истребитель варваровъ! О городъ, городъ, второй рай, на западѣ насажденный, заключающій въ себѣ всевозможныя растенія, сгибающіяся отъ тяжести плодовъ духовныхъ! Гдѣ красота твоя, рай? Гдѣ благодѣтельная сила духа и плоти харитъ твоихъ духовныхъ? Гдѣ тѣла апостоловъ Господа моего, издавна въ вѣчно цвѣтущемъ раю почивавшія? Гдѣ среди нихъ обрѣтавшіяся пурпуровая багряница, копіе, губка, трость, лобызая каковыя, мы, казалось, созерцали на крестѣ вознесеннаго? Гдѣ останки святыхъ, гдѣ останки мучениковъ? Гдѣ прахъ великаго Константина и другихъ императоровъ? Улицы, портики, перекрестки, поля, сады виноградные, все это полнымъ полное останковъ святыхъ, полное тѣлъ благородныхъ, тѣлъ цѣломудренныхъ иноковъ и инокинь! О наказаніе! Смертные останки рабовъ твоихъ, Господи, отдали на съѣденіе птицамъ небеснымъ, тѣла святыхъ твоихъ предоставили вокругъ новаго Сіона звѣрямъ земнымъ, и некому быдо хоронить ихъ. О храмъ, о небо земное, о алтарь небесный, о божественный и священный удѣль, о красота церквей, о книги священныя и глаголы Божіе, о законы древніе и новыя, о скрижали, начертанныя перстомъ

1) *καὶ γὰρ εἶδε ἦν κεραυνὸς οὐ φωτίζων μόνον, ἀλλὰ καὶ κατακαίων καὶ βαπαιζών!* восклицаетъ Дука по поводу иллюминаціи турецкаго лагеря и флота, передъ рѣшительнымъ штурмомъ, принятой греками за пожаръ. Дука, стр. 281.13—14.

2) Ibid., стр. 266.12—15; 286.8.

3) Ibid., стр. 286.11—13.

4) Ibid., стр. 291.9—293.18; 306.12—311.23.

5) Ibid., стр. 299.4—15.

6) Ibid., стр. 306.12—307.17.

Божіимъ, о евангелія, вѣщающія устами Божіими, о бесѣды божественныя ангеловъ во плоти, о поученія вдохновенныхъ мужей, о наставленія полубоговъ-героевъ, о государство, о народъ, о войско, чрезмѣрное прежде, теперь же уничтоженное, какъ корабль, погрузившійся въ море во время плаванія, о дома, разнаго рода палаты и священныя стѣны, взываю нынѣ ко всѣмъ вамъ и оплакиваю васъ, какъ будто бы вы были одушевленными“! и т. д. Въ этомъ отрывкѣ вылились чувства византійскихъ патріотовъ, которымъ оставалось оплакивать судьбу родного города и народа со смиреніемъ¹⁾ и мольбою о пощаду²⁾. Горечь обманутой надежды слышится въ тѣхъ строкахъ Дуки, гдѣ онъ говоритъ о вѣрѣ константинопольскаго населенія въ чудесное спасеніе отъ турокъ³⁾. Продолжать свой историческій трудъ послѣ паденія „города“ Дука считаетъ возможнымъ только потому, что, согласно одному старинному пророчеству, владычество турокъ не должно было продолжаться долго⁴⁾.

Патріотизмъ Дуки выражается еще въ той оцѣнкѣ, которую онъ дѣлаетъ нѣкоторымъ изъ своихъ современниковъ. Онъ даетъ, съ одной стороны, самую лестную характеристику одному изъ приближенныхъ Мануила II. благородному Димитрію Леонтарію⁵⁾, и вкладываетъ въ его уста смѣлую, полную достоинства отповѣдь зазнавшемуся Джунеиду⁶⁾. Съ другой, онъ не жалѣетъ мрачныхъ красокъ при изображеніи такихъ личностей, какъ Феологъ Кораксъ или Михайлъ Пиллъ. Будучи уроженцемъ Филладельфіи, Кораксъ прекрасно владѣлъ турецкимъ языкомъ. Въ силу этого Мануиль II началъ пользоваться его услугами при своихъ сношеніяхъ съ турецкими султанами. Въ концѣ концовъ лукавый мало-азіатецъ становится предателемъ. Онъ выдаетъ тайны византійскаго двора сперва Баязету I, потомъ Мураду II и, будучи уличенъ въ этомъ, погибаетъ послѣ пытокъ въ 1422 г. во время осады Константинополя вторымъ изъ названныхъ султановъ⁷⁾. Такимъ же негодяемъ, поочередно измѣнявшимъ и гре-

1) *δικαία ἡ κρίσις σου, κύριε*. Ibid., стр. 299.15.

2) *πλὴν φείσασι ἡμῶν, κύριε, δέόμεθα*. Ibid., стр. 311.23.

3) Ibid., стр. 289.14—290.10.

4) Ibid., стр. 318.8—319.15.

5) Ibid., стр. 79.9; 118.19; 133.16—17.

6) Ibid., стр. 153.13—156.22.

7) Ibid., стр. 121.23—123.17; 182.8—10; 183.20—186.12.

камъ и туркамъ, представленъ и уроженецъ Эфеса Пиллъ. Мурадъ заподозрилъ его въ выдачѣ измѣнника Коракса, и только отречение отъ православія спасло ему жизнь¹⁾.

Мы уже видѣли, какъ Дука относился къ Иоанну VI Кантакузину. Зять и соперникъ послѣдняго, Иоаннъ V Палеологъ, не пользуется симпатіями нашего автора. Этотъ жалкій, безхарактерный правитель, лѣнивый, преданный пьянству и грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ²⁾, вступающій въ заговоръ съ Франческо Гаттилузи противъ своего тестя³⁾, покорно въ сознаниіи своего безсилія исполнявшій волю султана Мурада II, приказывалъ ли тотъ ослѣпить его старшаго сына Андроника⁴⁾ или разрушить вновь воздвигнутое укрѣпленіе⁵⁾, вызываетъ къ себѣ отрицательное отношеніе со стороны Дуки. Но отсюда еще очень далеко до поголовнаго изображенія всѣхъ Палеологовъ бездарными⁶⁾, отъ непризнанія за ними какихъ бы то ни было положительныхъ качествъ. Такъ, напр., Дука далеко не лестно характеризуетъ только что упомянутаго Андроника⁷⁾, которому онъ не могъ простить междуусобной борьбы съ отцомъ, но это не мѣшаетъ ему съ чувствомъ видимаго удовлетворенія отмѣтить у него благородный порывъ, приведшій къ примиренію отца съ сыномъ⁸⁾. Съ большими симпатіями относится Дука къ Мануилу II. Онъ отмѣчаетъ мужество, съ которымъ этотъ императоръ отвергъ предложеніе Баязета I сдать ему Константинополь⁹⁾,

1) Ibid., стр. 186.14—187.6.

2) Ibid., стр. 39.20—40.1. *ἦν γὰρ ὡς ἐπιπολὸν κοῦφος καὶ μὴ πολυπραγμονῶν ἐν ἄλλοις τὰ πρόγμματα πλὴν ἐν γυναιξίν ὠραταῖς καὶ καλαῖς τῶ εἶδει, καὶ τίνος καὶ πῶς παγιδεύσῃ αὐτήν.* Ibid., стр. 44.13—15.

3) Ibid., стр. 40.20—41.6.

4) При этомъ съ ненужною жестокостью былъ лишень зрѣнія и малолѣтній сынъ Андроника. Ibid., стр. 44.11—19.

5) Ibid., стр. 48.17—20.

6) И. Д. Погодинъ, стр. 219.

7) *ἀρξάμενος δὲ προσχωρεῖν εἰς τὸν τῆς ἀφηλικιότητος χρόνον ἀτασθαλεῖν ἤρξατο καὶ νεωτερίζειν, οὐκ ἐν ἀλμαῖς καὶ δόρασιν ἀλλ' ἐν κοίταισι καὶ ἀσελγείαις, καὶ ταῦτα δακρυόσσαις καὶ χαπνὸν δομιὸν ἀποπεμπούσαις ἀπὸ καρδίας πολλῶν.* Ibid., стр. 39.5—9.

8) Ibid., стр. 45.20—46.10.

9) Ibid., стр. 53.3—5. Дука, между прочимъ, отмѣчаетъ у себя фактъ признанія однимъ изъ сыновей Баязета, Сулейманомъ, Мануилу II своимъ сюзереномъ (стр. 78.16—79.15). Насколько этотъ временный успѣхъ византийской политики, объясняемый ослабленіемъ турокъ постъ ангорскаго пораженія, былъ мнимымъ, видно изъ того же Дуки, который, упомянувъ о путешествіи Ману-

тактъ, съ которымъ онъ успокоилъ направленное противъ него и въ пользу его племянника Іоанна движеніе среди жителей столицы¹⁾, осторожность и заботу о населеніи Константинополя, проявленную Мануиломъ во время осады города Мусою²⁾, наконецъ, то достоинство, съ которымъ Мануилъ II отвѣтилъ отказомъ на требованіе Магомета I выдать ему отдавшихся подъ покровительство императора Джунейда и претендента Мустафу³⁾. Дука вообще отдаетъ должное этому мудрому и достойному правителю⁴⁾, который, уступивши тронъ своему сыну Іоанну VIII, посвятилъ остатокъ своихъ дней научно-богословскимъ занятіямъ⁵⁾.

Намъ остается теперь выяснитъ отношеніе Дуки къ двумъ послѣднимъ Палеологамъ, Іоанну VIII и Константину XI Драгасу.

Сравнивая продолжительность пребыванія у власти этихъ двухъ императоровъ, мы находимъ у Дуки нѣсколько неравномѣрное отношеніе къ нимъ прежде всего въ смыслѣ распредѣленія между ними историческаго матеріала⁶⁾. Также неодинаково это отношеніе и въ другомъ смыслѣ. Именно, Іоаннъ VIII изображается въ какихъ-то тусклыхъ тонахъ, и личность „послѣдняго коронованнаго императора“ Византіи, какъ называетъ его Дука⁷⁾, настолько мало выдѣлена послѣднимъ среди описываемыхъ имъ событій этого царствованія, что мы могли бы назвать отношеніе къ нему нашего историка какимъ-то неопре-

ила II на Западъ, говоритъ объ его племянникѣ: *καὶ ὁ Ἰωάννης ἦν βασιλεύων μόνον ἐν τῷ τῆς πόλεως*. Ibid., стр., 57.1.

1) Ibid., стр. 54.10—55.6.

2) Ibid., стр. 93.7—11.

3) Ibid., стр. 119.13—120.18.

4) *ὄντως σοφώτατος καὶ ἐνάρετος ἐν τε σωφροσύνῃ καὶ κοσμιότητι*. Ibid., стр. 188.11—12.

5) *σχολάζων ἐν μελέτῃ θεῶν λόγων*. Ibid., стр. 182.2—3.

6) Сравнительно продолжительному, но довольно бездѣльному правленію Іоанна VIII (1425—1448) Дука посвящаетъ 35 страницъ своего труда (188—223), въ то время какъ короткому, но полному драматизма царствованію Константина XI—77 (223—300).

7) *ὕστατος βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων*. Ibid., стр. 188.13. Очевидно, Дука считается только съ фактомъ коронаціи въ Константинополѣ, такъ какъ, по извѣстію Франдзи, послѣ смерти Іоанна VIII въ Пелопоннискъ были посланы для коронованія деспота Константина (*ἵνα εἰς βασιλέα στέψωσι*; стр. 205.15—19) Алексѣй Филантропинъ и Мануилъ Палеологъ. Это извѣстіе принимаетъ и Зиккель (*Das byzantinische Krönungsrecht bis zum X Jahrhundert* въ *Byzantinische Zeitschrift*, 1898, VII. 3—4, стр. 520 и 522), по наблюденіямъ котораго обрядъ коронованія не былъ связанъ съ опредѣленнымъ мѣстомъ.

дѣленнымъ и безразличнымъ. Вѣрнѣе сказать, авторъ даже и не высказываетъ его, ограничиваясь лишь простою передачею фактовъ такого рода, какъ враждебное отношеніе къ Іоанну VIII Мурада II¹⁾, посылка Іоанномъ VIII королевскихъ инсигній сербскому королю Георгію I Бранковичу²⁾, путешествіе его на счетъ папы на соборъ въ Италію³⁾ и, наконецъ, смерть императора. Послѣднюю Дука склоненъ ставить въ извѣстную связь съ тѣми непріятностями, которыя на ряду съ болѣзненнымъ состояніемъ и семейнымъ горемъ пришлось пережить Іоанну VIII въ виду полного крушенія его церковной политики⁴⁾.

Иначе обстоитъ дѣло съ императоромъ Константиномъ XI⁵⁾. Личность послѣдняго представлена у Дуки болѣе ярко, а факты, сообщаемые имъ, не заставляютъ желать ничего лучшаго въ смыслѣ благопріятнаго впечатлѣнія на читателя⁶⁾. Въ изложеніи Дуки Константинъ XI рисуется намъ очень заботливымъ, предусмотрительнымъ, сознающимъ свое достоинство и мужественнымъ правителемъ. Такъ онъ въ интересахъ пригороднаго населенія Византіи, поля котораго страдали отъ турокъ, сносится съ Магометомъ II, стараясь подѣйствовать на послѣдняго просьбами и подарками⁷⁾. Затѣмъ, желая пополнить ряды защитни-

1) Дука, стр. 189.22.

2) Ibid., стр. 207.13—15.

3) Ibid., стр. 212.11—14.

4) *Ὁ δὲ βασιλεὺς Ἰωάννης ποδαγία πιεζόμενος ἐν πολλοῖς ἔτεσιν, καὶ μετὰ τὴν ἐπάνοδον ἀπὸ Ἰταλίας ἐν πολλαῖς θλίψεσι καὶ δυσφορίαις ὧν πῆ μὲν διὰ τῶν ἐκκλησιῶν ταραχὴν καὶ δὲ διὰ τὴν ἐκδημίαν τῆς δεσποίνης, κατέλαβεν αὐτὸν νόσος, καὶ ἐν ὀλίγοις ἡμέραις ἐτελεύτησεν.* Ibid., стр. 223.15—19.

5) Не считаясь съ Франдзи, Рамбо говоритъ: „Драгасъ такъ хорошо понималъ свое бѣдственное положеніе, что изъ бережливости обошелся безъ коронаціи. Поэтому историкъ Дука называетъ „послѣднимъ императоромъ“ Іоанна VIII, а Константинъ XI былъ, по его мнѣнію, только „деспотомъ“ (Лависсъ и Рамбо, т. III, стр. 869). Въ этомъ случаѣ французскій ученый вступаетъ въ противорѣчіе съ Дукой. Послѣдній, правда, говоритъ, что Константинъ XI не былъ коронованъ (стр. 234.17), но деспотомъ называетъ его всего три раза (232.3.16.19), во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ именуеть его „ὁ βασιλεὺς“ (стр. 235.16; 237.7.9.15.16; 240.19,23; 241.2; 243.3; 244.21 и т. д. и т. д. до самаго конца).

6) Имѣя въ виду, что и какъ говоритъ Дука объ Іоаннѣ VIII и Константиnѣ XI, мы не совсѣмъ понимаемъ, почему г. Погодинъ (стр. 219) считаетъ перваго героемъ Дуки и упрекаетъ нашего автора въ томъ, что онъ говоритъ о второмъ, „не воздавая должнаго ни его храбрости, ни его неутомимой дѣятельности“.

7) Дука, стр. 243.3—19.

ковъ столицы и запасы съѣстныхъ припасовъ, онъ за 6 мѣсяцевъ до осады переводить въ Константинополь жителей сосѣднихъ мѣстностей, которые приносятъ съ собой и свои продукты сельскаго хозяйства ¹⁾). Наконецъ, передъ самой осадой онъ еще разъ разсылаетъ во всѣ стороны своихъ агентовъ съ тою же цѣлью увеличить въ столицѣ запасы провіанта ²⁾). Съ другой стороны, онъ стараетсяъ привлечь къ себѣ на помощь жителей Галаты ³⁾). Въ одномъ только случаѣ ему будто измѣнила его обычная предусмотрительность. Это, когда онъ назначилъ слишкомъ ничтожное вознагражденіе, вдобавокъ неаккуратно выплачивавшееся ⁴⁾, тому венгерцу, который, перейдя къ Магомету II, создалъ у послѣдняго грозную для того времени артиллерію ⁵⁾). Но спрашивается, было ли чѣмъ платить въ это время Константину XI? Рыцарское великодушіе послѣдняго императора ромеевъ ярко рисуется въ слѣдующемъ эпизодѣ. Когда передъ столицей начались первыя стычки, всѣ бывшіе въ ней турки были арестованы. Среди нихъ было нѣсколько челоуѣкъ изъ дворцовой прислуги Магомета II. Большинство было отпущено на свободу черезъ 3 дня, а послѣдніе въ день ареста: императоръ, снисходя къ ихъ просьбамъ, не пожелалъ, чтобы они подверглись наказанію со стороны своего грознаго повелителя, не явившись во время къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей ⁶⁾). вмѣстѣ съ ними онъ отправилъ къ Магомету II письмо, полное рѣзкихъ упрековъ за окончательной разрывъ мирныхъ отношеній ⁷⁾). Такимъ же сознаниемъ собственнаго достоинства полонъ его отвѣтъ ⁸⁾ на предложеніе султана сдать городъ безъ боя ⁹⁾). Правда, въ минуту отчаянія, вызваннаго разрушительнымъ дѣйствіемъ турецкой артиллеріи, Константинъ XI рѣшается отправить пословъ къ Магомету II съ предложеніемъ за какою-

1) Ibid., стр. 246.1—4.

2) Ibid., стр. 257.14—24.

3) Ibid., стр. 265.6—7.

4) *ὁ δὲ βασιλεὺς γράφας αὐτῷ σιτηρέσιον οὐκ ἄξιον πρὸς τὴν ἐπιστήμην αὐτοῦ, οὐδ' ἔχεῖνο τὸ μηδαμινὸν καὶ ἐδαριθμητὸν ἐδίδοσαν τῷ τεχνίτῃ.* Ibid., стр. 247.10—12.

5) Ibid., стр. 247.12—249.15.

6) Ibid., стр. 244.21—245.13.

7) Ibid., стр. 245.13—23.

8) Ibid., стр. 280.8—20. Отвѣтъ этотъ былъ составленъ императоромъ „ὄν τῇ συγκλήτῳ“.

9) Ibid., стр. 279.21—280.7

угодно контрибуцію снять осаду, но эта уступчивость сразу смѣняется рѣшимостью стоять до конца ¹⁾, когда султанъ потребовалъ безусловной сдачи, предлагая за это свою дружбу, Пелопоннись самому Константину и особые удѣлы его братьямъ ²⁾. Хотя при описаніи обороны столицы Дука отводитъ болѣе активную роль Джустиніани, но и Константинъ XI всегда сражается рядомъ съ послѣднимъ ³⁾. Насколько же была важна роль перваго въ дѣлѣ защиты Константинополя, и почему Константинъ XI, дѣйствительно, могъ оробѣть (*έδειλιάσειν*) ⁴⁾, когда былъ изъ строя храбрый борецъ противъ турокъ, видно изъ того, что, по извѣстію Франдзи, императоръ говорилъ Джустиніани, убѣждая его не покидать сраженія, несмотря на рану: „Братъ, что ты дѣлаешь? Возвратись на порученное тебѣ мѣсто. Рана сама по себѣ незначительна. Возвратись: вѣдь, теперь чувствуется наиболѣе острая нужда. Судьба города въ твоихъ рукахъ: спасай его!“ ⁵⁾. Конечно, эти слова подсказывались полнымъ и вполне понятнымъ отчаяніемъ. Но, какъ мы видимъ изъ Дуки, оно было непродолжительно. Константинъ XI и безъ Джустиніани продолжаетъ мужественную борьбу ⁶⁾, которая прекращается только геройскою смертью ⁷⁾.

Чтобы правильнѣе опредѣлить положеніе, занятое Дукой въ вопросѣ о соединеніи церквей, намъ необходимо считаться съ тѣмъ безвыходнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась въ его время Византія. Помощи, по существу, ждать было уже неоткуда и не отъ кого, что прекрасно понимали въ Византіи ⁸⁾. Но тѣмъ не менѣе ее ждутъ, какъ ждетъ выздоровленія без-

1) *οὐκ γὰρ ἦν δυνατόν παραδοθῆναι τὴν πόλιν τοῖς Τούρκοις ἐκ τῶν χειρῶν τῶν Ῥωμαίων.* Ibid., стр. 277.3—4. Въ противномъ случаѣ, добавляетъ Дука, ромеевъ стали бы презирать не только христіане, но даже турки и евреи. Ibid., стр. 277.7—8.

2) Ibid., стр. 276.5—277.3.

3) Ibid., стр. 283.17—18; 284.2—3, 8—10.

4) Ibid., стр. 285.8. Г. Погодинъ почему-то видитъ въ употребленіи этого выраженія своего рода униженіе личности Константина XI (стр. 219, пр. 1).

5) Франдзи, стр. 284.11—14.

6) Дука, стр. 285.13—15.

7) Ibid., стр. 286.23—287.6.

8) *Ὁ δὲ βασιλεὺς (Иоаннъ V) μὴ ἔχων βοήθειαν ἐκ τινος τῶν ἡγεμόνων ἢ τῶν ἀριστοκρατούντων ἢ τῶν δημοκρατούντων εἰς τοῦτο κατένευσεν* (исполнить требованія Баязета I о посылкѣ дани и вспомогательныхъ войскъ съ Мануиломъ во главѣ). Ibid., стр. 47.5—7.

надежно больной. Ждутъ ее прежде всего съ запада, надежда на который была своего рода соломинкой въ рукахъ утопавшей въ турецкомъ разливѣ Византіи. Такъ, Мануиль II, прежде чѣмъ самому отправиться на западъ, обращается съ просьбами о спасеніи къ папѣ и королямъ Франціи и Венгріи¹⁾. Кромѣ запада, оставалась еще надежда на одного Бога. У Дуки мы встрѣчаемъ рядъ мѣстъ, характерныхъ для этого настроенія. Имѣемъ въ виду рядъ молитвенныхъ обращеній къ Богу съ горячей мольбою о помощи противъ турокъ, обращеній, иногда очень трогательныхъ, отъ лица самого автора²⁾ или отъ выводимыхъ имъ лицъ³⁾. Въ лицѣ римскаго первосвященника какъ бы объединялись два упомянутыхъ объекта, къ которымъ обращались съ мольбою. Какъ духовный глава западнаго христіанства и какъ намѣстникъ Бога на землѣ, онъ, казалось, могъ двинуть на помощь Византіи силы запада и призвать силы небесныя. Но за это Византіи нужно было поплатиться своею церковною независимостью и догматическою самостоятельностью, т. е. тѣмъ, что въ глазахъ многихъ компатріотовъ Дуки было дороже всего. Отсюда — обращеніе къ этому средству только въ крайнихъ случаяхъ, отсюда ожесточенная борьба двухъ теченій, строго-православнаго и уніатскаго, отсюда, наконецъ, появленіе средняго теченія, представители котораго шли на компромиссъ и, оставаясь въ душѣ православными, для спасенія родины готовы были признать главенство папы. Къ разряду такихъ людей, какъ намъ кажется, принадлежалъ и Дука. Говоримъ „кажется“ потому, что нашъ писатель даже тогда, когда онъ упрекаетъ своихъ соотечественниковъ въ религіозной нетерпимости по отношенію къ католикамъ, не отказывается, открыто по крайней мѣрѣ, отъ православія и не даетъ повода сказать увѣренно, что онъ уніатъ. Повторяемъ, сочувствовать уніи, видя въ ней только средство, а не цѣль, могли не только люди, увѣренные въ супрематіи папы и непогрѣшимости догмата „filioque“. Могли сочувствовать ей или питать непріязненные чувства къ людямъ

1) Ibid., стр. 50.17—22.

2) Ibid., стр. 64.5—9.

3) Особенно трогательна молитва, съ которой обращаются къ Богу, умоляя избавить отъ Баязета I, „οἱ δὲ πωχοὶ πολῖται σὺν τῷ βασιλεῖ“ (стр. 61.13—19). Далѣе см. стр. 238.8—11; 262.21—23; 272.5—13.

ей враждебнымъ и тѣ, которые готовы были пожертвовать всѣмъ, лишь бы спасти родину, т. е. патриоты, дорожившіе прежде всего ея политическою независимостью. А въ такого рода патриотизмѣ Дуки едва ли возможно сомнѣваться. Очень характерно при этомъ, что недовольство Дуки своими слишкомъ неподатливыми компатриотами становится интенсивнѣе по мѣрѣ того, какъ ухудшается политическое и международное положеніе Византіи, другими словами по мѣрѣ того, какъ помощь съ запада была желательнѣе, а нужда въ ней настоятельнѣе. Это одинаково видно изъ отношенія нашего автора и къ лицамъ и къ событіямъ.

По пути въ Феррару, гдѣ долженъ былъ состояться церковный соборъ, императоръ Іоаннъ VIII вмѣстѣ съ патриархомъ останавливаются въ Венеціи. Дука по этому поводу съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвело на венеціанцевъ богослуженіе, совершенное патриархомъ по восточному обряду (*κατὰ τὸ ἔθος τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας*)¹⁾. Только строго правдивымъ представляется намъ Дука и тогда, когда обличаетъ греческихъ членовъ Флорентійскаго собора, подписавшихъ актъ уніи, въ продажности и неисполненіи данныхъ на соборѣ обязательствъ. Раскаянію же ихъ онъ придаетъ мало цѣны: Іуда, по крайней мѣрѣ, возвратилъ 30 серебряниковъ, а они и этого не сдѣлали²⁾. Дука относится къ главнѣйшимъ дѣятелямъ этого собора вполне безпристрастно. Онъ отдаетъ должное научнымъ и богословскимъ познаніямъ кардинала Юліана Чезарини³⁾, очень лестно отзываясь о Виссаріонѣ и Исидорѣ⁴⁾ и въ то же время признаетъ глубокое знакомство, какъ съ „эллинскими науками“, такъ и соборными постановленіями и правилами за идейнымъ противникомъ названныхъ лицъ, митрополитомъ Эфесскимъ Маркомъ⁵⁾. Съ такимъ же полнымъ безпристрастіемъ отзываясь Дука и о свѣтскихъ

1) Ibid., стр. 212.19—213.11.

2) Ibid., стр. 216.1—23. Ср. Лависсъ и Рамбо, т. III, стр. 836.

3) *μέγας ἐν τῇ ἔξω σοφία καὶ ἐν τοῖς δόγμασι τῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως*. Ibid., стр. 213.18—19.

4) *οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ λογιώτεροι τῶν ἀρχιερέων*. Ibid., стр. 213.22. Не менѣе лестно отзываясь Дука объ Исидорѣ и позже (стр. 252.20—22).

5) *ὁ Ἐφέσου Μάρκος ἐν Ἑλληνικοῖς μαθήμασιν καὶ ὁμοίως τῶν ἀγίων συνόδων καὶ στάθμη ἀπαρέχβητος*. Ibid., стр. 213.19—21.

лицахъ, присутствовавшихъ на соборѣ. Онъ не разбирается въ ихъ церковныхъ взглядахъ и отдаетъ должное способностямъ и учености и Гемиста Плиѳона, и Иоанна Аргиропула и, наконецъ, представителя высшаго судебного учрежденія Византіи (*κοιτης τῆς βασιλικῆς κρίσεως*), Георгія Схоларія¹⁾, бѣжавшаго съ собора, не желая подчиняться его постановленіямъ²⁾, и позже, сдѣлавшись монахомъ Геннадіемъ, выступившаго при Константинѣ XI самымъ яростнымъ противникомъ уніи³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дука ничѣмъ не выражаетъ своего мнѣнія ни по поводу формулы соглашенія, выработанной на соборѣ⁴⁾, ни по поводу тѣхъ разногласій, которыя имѣли мѣсто на немъ между Маркомъ Эфесскимъ и латинскими или „латинствующими“ богословами⁵⁾. Ничѣмъ не выражаетъ онъ своего сожалѣнія и по поводу неудачи Флорентійскаго собора.

За полгода до паденія Константинополя дѣлается новая попытка спастись отъ турокъ цѣною церковной уніи съ Римомъ. Шаги, сдѣланные въ этомъ направленіи Константиномъ XI, привели къ присылкѣ въ Византію въ ноябрѣ 1452 г. кардинала Исидора⁶⁾. На этомъ, можно сказать, все и закончилось. По инициативѣ монаха Геннадія церковное объединеніе было отвергнуто, и такимъ образомъ рушилась послѣдняя надежда на спасеніе, у кого она только была. Дука принадлежалъ къ числу этихъ надѣявшихся, и поэтому не можетъ простить крушенія своихъ упованій виновникамъ его, и прежде всего Геннадію⁷⁾. Особенно яростно, не щадя словъ и выраженій, нападаетъ онъ на одного священника, по имени Неофита, доказывавшаго, что таинство, совершенное священникомъ латинскаго обряда, недѣйствительно⁸⁾. Если мы отбросимъ въ данномъ случаѣ рѣзкость выраженій, то у насъ останется впечатлѣніе отъ словъ

1) Ibid., стр. 214.1—4. О названныхъ лицахъ см. Krumbacher, стр. 119—122.

2) Norden, стр. 715.

3) Геннадій былъ потомъ первымъ Константинопольскимъ патриархомъ при турецкомъ владычествѣ.

4) Дука, стр. 214.8—11.

5) Ibid., стр. 214.11—215.6.

6) Ibid., стр. 252.10—253.9.

7) Дука не былъ въ Константинополѣ, когда тамъ происходили послѣдніе церковные споры. Свѣдѣнія о нихъ онъ получилъ отъ плѣнныхъ грековъ уже послѣ паденія города. См. стр. 260.12.

8) Ibid., стр. 261.5—262.13.

человѣка, смотрящаго на вопросы конфессіонала болѣе терпимо, болѣе широко и возмущеннаго до глубины души узостью и упорствомъ ограниченнаго фанатика. Нашею автора глубоко возмущаютъ съ другой стороны тѣ византіицы (*ὁ χυδαῖος καὶ ἀγοραῖος λαός*), которые, разсыпавшись изъ монастыря Геннадія по кабакамъ, пили неразбавленное вино въ честь Богородицы, надѣясь, что она и теперь защититъ ихъ „городъ“, какъ во времена Хозроя и арабовъ, и восклицали: „Не нужно намъ ни помощи латинянъ, ни единенія съ ними; прочь отъ насъ съ богослуженіемъ азимитовъ!“¹⁾.

Противники уніи говорили, что намъ пріятнѣе видѣть Константинополь подъ властью турецкой чалмы, чѣмъ латинской тиары²⁾. Сторонники ея молили Бога о томъ, чтобы „городъ отдавъ былъ въ руки латинянъ, призывающихъ Христа и Богородицу, и чтобы не попасть въ лапы невѣрныхъ“³⁾. Устами тѣхъ и другихъ говорить, конечно, отчаяніе. Нашъ авторъ на сторонѣ вторыхъ, но, какъ намъ кажется, не потому, что онъ сторонникъ уніи ради уніи. По его мнѣнію, мнѣнію человѣка, привыкшаго считаться со взятыми на себя обязательствами и трезво смотрѣвшаго на вещи, прежде всего, конечно, нужно было твердо держаться даннаго клятвеннаго обѣщанія поддерживать церковное единеніе, а затѣмъ уже, при осуществленіи послѣдняго, онъ надѣялся на избавленіе своего отечества отъ ужасовъ турецкаго завоеванія, на спасеніе христіанскихъ святыхъ отъ поруганія, а членовъ клира отъ издѣвательствъ со стороны невѣрныхъ⁴⁾. Едва ли Дука не больше правъ морально, чѣмъ тѣ византіицы, которые, въ разгарѣ религіозныхъ страстей, не послушались бы, по его словамъ, и ангела съ небеси, который предложилъ бы имъ изгнать враговъ изъ города, если они согласятся на миръ и согласіе между церквями, и предпочли бы скорѣе впасть въ руки турокъ, чѣмъ франковъ⁵⁾.

Все, выше сказанное, даетъ намъ право думать, что тѣмъ,

1) Ibid., стр. 254.19—255.4.

2) *χειρότερόν ἐστιν εἶδέναι ἐν μέσῃ τῇ πόλει φακίολον βασιλεῦον Τοῦρκων ἢ καλύπτραν Λατινικῆν.* Ibid., стр. 264.14—16.

3) Ibid., стр. 264.16—19.

4) Ibid., стр. 256.10—257.13.

5) Ibid., стр. 290.20—291.4.

кто возьметъ на себя интересную, но не легкую по своей кропотливости задачу представить во всей полнотѣ исторію Византіи при Палеологахъ, трезвый, скромный по отношенію по себѣ самому, широко развитой, правдивый и при всемъ своемъ патріотизмѣ сравнительно безпристрастный Дука будетъ служить превосходнымъ руководителемъ для пониманія истиннаго положенія лицъ и событій, такъ какъ его трудъ во многомъ дополняетъ и исправляетъ тѣ свѣдѣнія, которыя дошли до насъ и отъ такъ щедро говорящаго о себѣ, часто путаясь въ извѣстіяхъ о другихъ, Франдзи, и отъ витіеватаго Халькокондила и отъ автора панегирика въ честь Магомета II, Кривовула, взявшаго на себя неблагодарную задачу пресмыкаться передъ завоевателемъ.

Е. Черноусовъ.

Харьковъ, 1913. VI. 8.